

УЧЕНЫЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

В.А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор

**КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ПОБЕДОНОСЦЕВ: ЧЕЛОВЕК, ПОЛИТИК И
ПРАВОВЕД**

21 мая 2007 г. исполняется 180 лет со дня рождения, а 10 марта — 100 лет со дня смерти Константина Петровича Победоносцева (1827–1907).

Ему выпала редкая для государственного деятеля судьба — стать символом целой эпохи в истории своей страны. Причем эпохи роковой — определившей судьбы страны на все последующее столетие, а может быть, и навсегда. Такой эпохой были в российской истории последние два десятилетия XIX и начало XX в. (годы с 1881 по 1905-й) — все царствование Александра III и ровно половина царствования Николая II. Сценарий русской трагедии, первым актом которой стало вступление России в войну с Германией, а важнейшим действием — февральско-октябрьская революция 1917 г., писался именно в эту эпоху. Тогда же впервые вышли на политическую сцену и основные действующие силы русской трагедии.

В исторической и мемуарной литературе указанные годы в истории России обыкновенно называют периодом контрреформ, реакционной правительственной политики, а главным творцом и выразителем последней объявляется Константин Петрович Победоносцев. По словам П.Н. Милюкова, это был «сухой, упрямый фанатик, получивший недаром прозвище Торквемады, принципиальный враг всего, что напоминало свободу и демократию»¹. В представлении Н.А. Бердяева, Победоносцев являлся искренним идеологом «нашего исторического нигилизма, нигилистического отношения русской официальной Церкви и государства к жизни»². Французский посол в России в 1914—1917 гг. Морис Палеолог также называл Победоносцева «русским Торквемадой»³. «Выдающийся юрист, ученый богослов, фанатический поборник православия и самодержавия, Победоносцев вносил в защиту своих реакционных взглядов пламенную веру, экзальтированный патриотизм, глубокую и непреложную убежденность, широкое образование, редкую силу диалектики, наконец, — что покажется противоречием, — совер-

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 57.

² Бердяев Н.А. Нигилизм на религиозной почве // Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907—1909). Спб., 1910. С. 201.

³ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 119.

шенную простоту и великое обаяние манер и речи. Самодержавие, правослаvie и народность — этими тремя словами резюмировалась вся его программа, и он преследовал проведение ее с чрезвычайной суровостью, с великолепным презрением мешавших ему явлений действительности. Как и следовало ожидать, он проклинал “новый дух”, демократические принципы, западный атеизм”⁴. В этих словах М. Палеолога выражены самые распространенные в тогдашнем русском образованном обществе характеристики К.П. Победоносцева.

Подобные характеристики всецело господствуют и в зарубежной исторической литературе. «Реакционный, мрачный, шовинистический, он помогал формировать русскую имперскую политику в такой степени, что трудно мыслить царистскую реакцию и нигилизм, не вызвав на ум имя Победоносцева»⁵, — такое представление о русском государственном деятеле выразил американский историк М. Полнер (Murray Polner).

Несомненно, роль символа исторической эпохи для любого государственного деятеля почетна — редко кому она достается. Однако есть в этой роли и нечто глубоко трагичное: тот, кто начинает играть ее, перестает восприниматься современниками в качестве *живого человека*. В его внешнем облике, повседневном образе жизни, в его трудах невольно усматривают проявления какой-нибудь общественной тенденции, знаки некоей социальной силы, одним словом, все что угодно, но только не свойства обыкновенной человеческой личности, всегда многоликой, разнообразной, сложносоставной. В.В. Розанов внимательно, по собственному признанию, следивший за деятельностью и творчеством К.П. Победоносцева и относившийся к этому человеку с явной симпатией, свою поминальную статью о нем в сытинской газете «Русское слово» (13, 18, 27 марта 1907 г.) начал следующим образом: «Умер Победоносцев. И с ним умерла целая система государственная, общественная, даже литературная; умерло замечательное, может быть самое замечательное, лицо русской истории XIX в.; сошел в могилу, «тихо скончавшись после продолжительной болезни», — как написано в его некрологах, — целый *исторический стиль* законченной и продолжительной эпохи»⁶.

⁴ Там же. С. 349.

⁵ «Reactionary, obscurantist, chauvinistic, he helped shape Imperial Russian policies, so much that it is difficult to think of tsarist reaction and nihilism without immediately calling to mind the name of Pobedonostsev» (Konstantin P. Pobedonostsev: Reflections of a Russian Statesman. With a new foreword by Murray Polner. The University of Michigan Press, 1965. P. V).

⁶ Розанов В.В. К.П. Победоносцев // Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки о писателях и писательстве. М., 1996. С. 516.

Еще при жизни Победоносцев сделался мифом, и этот миф, как густой туман, закрыл от его современников его необыкновенную личность. «Мое имя служит предметом пререкания и соблазна у всех так называемых общественных деятелей, читающих газеты, и в *кружках* черпающих свои представления о людях и делах. Многие ли знают меня? — с грустью вопрошал Константин Петрович своего друга С.А. Рачинского в 1884 г. — И доброе, и злое мне приписывается, и всякий оратор всякого кружка произносит мое имя с тем, что ему нравится или не нравится. Есть множество людей, совсем меня не знающих, коим стоит только намекнуть, что мое имя связано с тем или другим именем или направлением, чтоб они, не рассуждая, примкнули к противоположному».

Прошло столетие после смерти Победоносцева, однако он все еще остается для нас тайной. Впрочем, Константин Петрович во многом и сам повинен в том, что остался для своих современников и потомков великим незнакомцем. Как активный участник, а в ряде случаев и двигатель многих важных событий русской политической истории последней четверти XIX — начала XX в. он, казалось бы, просто обязан был написать мемуары, рассказать о своей жизни и людях, с которыми сталкивался, но нет — ни мемуаров, ни сколько-нибудь подробной автобиографии он после себя не оставил.

Объясняя в 1893 г. императору Александру III, почему он во время пребывания на государственной службе не писал мемуаров, Победоносцев ссылался на то, что не находил к тому ни времени, ни сил. «Днем занят, а к ночи такая усталость, что нет сил записывать о себе... Правда, в последние годы, особливо с 70-х годов, я был свидетелем, отчасти и участником, многих важных событий и мог бы многое интересное записать, но никогда не успевал это делать, притом, чем важнее события, тем труднее описывать их, а в последние годы прошлого и в первое время нового царствования все, что я видел, производило во мне такое сильное возбуждение, что не было бы силы с пером в руке весть какую-нибудь хроникю. Это же возбуждение, при сердечной боли о многом, не позволяло мне передать кому-либо свои впечатления, конечно, кроме жены моей, которая одинаково со мною хранила их в душе глубоко»⁷.

Вследствие такого отношения Победоносцева к собственным мемуарам многое в его личной жизни, в его духовном мире осталось его тайной.

⁷ Письма К.П. Победоносцева к Александру III // *Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени*. М., 1993. С. 611—612.

В самом деле, что можно узнать о жизненном пути Победоносцева из его собственных признаний, разбросанных в его произведениях и письмах? «Родился я в Москве, в семье профессора Моск[овского]. Университета. У отца моего было 11 человек детей, кои все устроены трудами отца»⁸, — так начал Константин Петрович свое краткое жизнеописание в письме к Николаю II. Он мог бы добавить, что дед его — Василий Степанович (?—1805) — был священником: вместо этого отметил, что «воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой»⁹.

* * *

Отец Константина — Петр Васильевич Победоносцев (1771—1843) получил образование в Славяно-греко-латинской академии. В мае 1797 г. он вышел из духовного звания и поступил на должность учителя в гимназию при Московском университете: первое время он преподавал здесь французский язык, затем — российское красноречие.

В 1807 г. П.В. Победоносцев стал магистром философии и словесных наук. Тогда же он начал преподавать российскую словесность в Александровском институте благородных девиц. В 1811 г. его избрали в действительные члены Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете, а в марте следующего года назначили адъюнктом отделения словесных наук Московского университета. Лекции студентам (по риторике и поэтике) Петр Васильевич начал читать в сентябре 1814 г., в конце 1826 г. стал экстраординарным профессором.

Писатель И.А. Гончаров, учившийся на словесном отделении Московского университета в 1831—1834 гг., писал А.Н. Пышину 10 мая 1874 г.: «Петр Васильевич Победоносцев не был ни грубоват, ни злопамятен, как у Вас выходит в биографии (В.Г. Белинско-го¹⁰. — В.Т.). Это был кроткий, благодушный человек, но старого века. Сам он страх как боялся начальства, чтил его беспрекословно, и когда, бывало, входил в аудиторию ректор Двигубский, такой же профессор, как и он, Победоносцев стоял перед ним, как солдат перед генералом, руки по швам, с робостью в голосе. И сам требовал себе почтения от студентов, как должного. Студенты отвечали профессорам сидя (тогда это стало уже входить), но он этого не терпел. И только тогда (помню даже имя студента Цвезинского) скажет:

⁸ Письмо К.П. Победоносцева к Николаю II // Там же. С. 624.

⁹ Там же. Андрей Белый имел сведение о том, что далекие предки Победоносцева проживали в киргиз-кайсацкой орде и в 30-е гг. XVIII в., в царствование императрицы Анны Иоанновны, поступили на русскую службу.

¹⁰ Пытин А.Н. Белинский, его жизнь и переписка. Спб., 1876. Т. 1. С. 62—67.

“Встань, братец, встань!” А обыкновенно он из *Вы* не выходил в обращениях к студентам»¹¹.

Вторым браком Петр Васильевич был женат на Елене Левашевой (1787—1867), представительнице старинного дворянского рода, происходившего, по преданию, от немца Христофора Карла Дола, который в 20-е гг. XIV в. поступил на службу к псковскому князю Александру Михайловичу (в 1325—1327 гг. великому князю Тверскому). Его правнук Александр Викулович был тверским боярином и носил прозвище Лаваш. Его потомок Федор Васильевич Левашев в 1610 г. занимал должность воеводы в Балахме, а в 1612 г. был сподвижником князя Д.М. Пожарского.

В 1809 г. у Петра и Елены Победоносцевых родился сын Александр¹², в 1810 г. — дочь Варвара¹³, приблизительно в 1814—1815 г. — сын Дмитрий¹⁴, в 1816-м — Сергей¹⁵, в 1819 г. — дочь Елизавета¹⁶.

Константин был младшим ребенком в этой многодетной семье: он родился 21 мая 1827 г. Его матери в тот год исполнилось 40 лет, а отцу в момент его рождения шел 56-й год.

Дом Победоносцевых, где прошли детские годы Константина, находился в Хлебном переулке, недалеко от церкви Симеона Столпника. Звон ее колоколов стал мелодией его детства. Эта небольшая с шатровой колокольней церковь каким-то чудом уцелела в катастрофических событиях XX столетия и стоит ныне в начале нового Арбата, отображая своей неброской красотой вызывающее уродство его зданий.

Победоносцевы всех своих детей воспитывали в возвышенно-религиозном духе, но особую заботу проявляли относительно младшего сына. Петр Васильевич мог уделить ему больше внимания, поскольку

¹¹ Письмо И.А. Гончарова к А.Н. Пыпину от 10 мая 1874 г. // Литературное наследство. М., 1950. Т. 56. С. 268.

¹² Александр Петрович Победоносцев (1809—1900) учился на нравственном и политическом отделении Императорского Московского университета и в феврале 1829 г. окончил его со степенью кандидата, дослужился до чина статского советника.

¹³ Варвара Петровна Победоносцева (1810 — после 1880) воспитывалась в Московском училище ордена св. Екатерины, из которого была выпущена в 1828 г.; впоследствии жила в Москве, занималась литературным творчеством (см.: *Мичатек Н. Победоносцева Варвара Петровна* // Русский биографический словарь. Спб., 1905. Т. 10. С. 141).

¹⁴ Дмитрий Петрович Победоносцев умер в 1891 г. и был похоронен в Рязани на кладбище Спасского монастыря.

¹⁵ Сергей Петрович Победоносцев (1816—1850) служил офицером, с 1842 г. состоял на гражданской службе, стал писателем (см.: *Алексеевский Б. Победоносцев Сергей Петрович* // Русский биографический словарь. Спб., 1905. Т. 10. С. 143).

¹⁶ Елизавета Петровна (урожденная Победоносцева) умерла в 1874 г.

21 декабря 1835 г. ушел по собственному прошению в отставку со службы в университете.

Константин Петрович вспоминал впоследствии о своем детстве как о празднике. «Никогда так сильно не ощущаются в душе моей впечатления детства, никогда так явственно не переносится воображение в отдаленное, цветущее время моей молодости, — писал он 25 декабря 1856 г., — как в дни великих праздников Рождества Христова и святой Пасхи. Это праздники по преимуществу детские, и на них как будто исполняется сила слов Христовых: *еще не будете яко дети, не имате внити в царствие Божие...*»¹⁷.

Первоначальное образование Константин Победоносцев получил дома. Оно позволило ему в 1841 г. поступить, минуя гимназию, в Императорское училище правоведения, созданное по инициативе М.М. Сперанского и принца П.Г. Ольденбургского специально для подготовки молодых людей к гражданской службе «по части судебной».

Первый устав Училища правоведения был утвержден императором Николаем I 29 мая 1835 г., а 5 декабря того же года состоялось официальное открытие данного учебного заведения. 27 мая 1838 г. был принят новый, переработанный и дополненный устав, подтвердивший и развивший основные принципы его внутренней организации и деятельности.

Устав Училища правоведения предписывал принимать в «сие заведение» воспитанников «только из сословия древнего потомственно-го Российского дворянства, внесенного в шестую часть родословной книги, также детей военных чинов не ниже полковника, а гражданских 5 класса или статского советника». Предполагалось, что выходцы из таких семей будут на государственной службе людьми достаточно независимыми и не станут порочить себя взяточничеством и другими бесчестными поступками. Отец Константина Победоносцева имел чин статского советника: он был присвоен ему при уходе в отставку в награду за многолетнюю и беспорочную службу.

На учебу в Училище правоведения принимались юноши в возрасте от 12 до 17 лет. Весь процесс обучения длился шесть лет (от шестого до первого класса) и разделялся на двухлетний младший и четырехлетний старший курсы.

Программа обучения в Училище сочетала дисциплины гимназии и университета. Она предполагала, что воспитанники, прошедшие весь процесс обучения, изучат гимназические предметы и получают

¹⁷ *Победоносцев К.П. Праздники Господни // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 224.*

университетский уровень юридического образования. Им надлежало изучить такие юридические науки, как энциклопедия права, история русского законодательства, римское право, государственное право, гражданское право и судопроизводство, уголовное право и судопроизводство, полицейское право, финансовое законодательство и др. На должности преподавателей этих наук приглашались профессора из Царскоевельского (Александровского) лицея и из Санкт-Петербургского университета.

В период учебы в Училище правоведения Константина Победоносцева гражданское право читал здесь Александр Иванович Краухфельд (1812—1881)¹⁸, римское право¹⁹ и латинскую словесность Василий (Вильгельм) Васильевич Шнейдер (1793—1872)²⁰.

Параграфом 50 устава 1838 г. предусматривалось, что «воспитанники, кончившие курс в Училище, сообразно успехам, показанным ими как на последнем испытании, так и на двух предыдущих, удостоиваются Советом чинов 9, 10 и 12-го класса. Причем строго принимается в соображение поведение выпускаемого».

Выпускники Училища правоведения отличались от студентов, окончивших университеты, не только своей аристократичностью, но и братством, которое хранилось ими всю последующую жизнь. Девизом этого правоведческого братства была строка из стихотворения Горация: «*Quidquid agis prudenter agas et respice finem* (что бы ты ни делал, делай это разумно и не упуская из виду цель)». Позднее к этому девизу добавили еще один: «Честно жить, никого не обижать, каждому воздавать свое».

30 сентября 1843 г. умер Петр Васильевич Победоносцев. Константин лишился не только отца и наставника, но и поводыря на первых ступенях своей будущей чиновной карьеры.

¹⁸ Лекции, которые профессор А. Краухфельд читал в Императорском училище правоведения в то время, когда здесь учился Константин Победоносцев, были напечатаны в 1843 г. в типографии 3-го отделения собственной его Императорского Величества канцелярии (см.: *Краухфельд А.* Начертание российского гражданского права в историческом его развитии: Составленное для Императорского училища правоведения. Спб., 1843).

¹⁹ Победоносцев почему-то не любил этот предмет и не подготовился в полной мере к экзамену по нему. «Я отвечал из истории римского права о *реформах Юстиниана*, а из римского права о владении; вызвался по латыни, — записал он в своем дневнике под датой 13/20 мая 1844 г., — и это спасло меня, иначе бы срезался, а теперь лишь сказал несколько слов, мне уже поставили 12» (высший бал. — *В.Т.*) (см.: *Победоносцев К.П.* Для немногих. Отрывки из школьного дневника 1842—1845 гг. Спб., 1885. С. 59).

²⁰ В числе опубликованных работ В.В. Шнейдера можно назвать книгу «О значении римского права в отношении к новейшему праву», которая вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1857 г.

15 июня 1846 г. окончивший Училище правоведения титулярный советник Константин Победоносцев был определен в канцелярию 8-го (московского) департамента Правительствующего Сената. В этом департаменте решались судебные споры по гражданским делам, поступавшие из губерний, прилегавших к Москве. 12 июля 1846 г. он был назначен исправляющим должность помощника секретаря, а 19 ноября заступил на место младшего секретаря. 28 марта 1847 г. его сделали исправляющим должность секретаря, а 15 мая — секретарем, эту должность многие молодые чиновники ждали годами.

1 марта 1848 г. Константин Победоносцев был перемещен на ту же должность в 7-й (московский) департамент Сената, 22 марта он стал исправляющим должность обер-секретаря. 12 августа его причислили к министерству юстиции, а 15 сентября 1848 г. назначили исправляющим должность обер-секретаря 8-го департамента Сената: чиновник, занявший эту должность, становился довольно влиятельным и заметным человеком. 23 декабря 1849 г. Победоносцев был возведен в чин коллежского асессора, а ровно три года спустя ему присвоили чин надворного советника.

В конце декабря 1852 г. Победоносцеву было поручено ордером обер-прокурора проверить протоколы 8-го департамента Сената и взять под постоянное наблюдение журналы его заседаний. 24 марта 1853 г. он был назначен «заведующим одним из секретариатов за болезнью обер-секретаря»²¹, а 29 апреля того же года — исправляющим должность обер-секретаря Общего собрания московских департаментов Сената²²; 25 декабря 1854 г. он стал коллежским советником.

21 августа 1856 г. Константину Победоносцеву была поручена «проверка корректурных экземпляров высочайших приказов»²³, печатавшихся в московской сенатской типографии во время пребывания в Москве по случаю коронации императора Александра II. 27 мая 1858 г. Победоносцев был утвержден в должности обер-секретаря Общего собрания московских департаментов Сената, 25 декабря того же года он был возведен в чин статского советника.

Уже в самом начале своей канцелярской деятельности Победоносцев в процессе исполнения обязанностей по своим должностям стал изучать юридические документы с целью написания научных работ по русскому праву: в 1858 г. в журнале «Русский вестник» была напечатана его довольно обширная по объему статья «Заметки для

²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 64. Д. 28 (Формулярный список 1898 г.). Л. 3 об.

²² Там же. Л. 4 об.

²³ Там же. Л. 5 об.

истории крепостного права в России»²⁴; в журнале «Атеней» — рецензия на книги Д.И. Мейера «Очерк русского вексельного права» и «Чтения о русском гражданском праве»²⁵; целую серию статей по истории русского права Победоносцев опубликовал в 1859 г.²⁶

Во всяком случае к концу 50-х гг. он был известным в Москве знатоком российского законодательства. Поэтому когда в декабре 1858 г. юридическому факультету Императорского Московского университета потребовался преподаватель гражданского права и судопроизводства (в связи с тем, что исправлявший должность адъюнкта по кафедре гражданских законов В.Н. Никольский отправлялся в заграничную командировку), то попечитель Московского учебного округа Алексей Николаевич Бахметьев пригласил принять «звание стороннего преподавателя русского гражд[анского] права на время командировки адъюнкта Никольского» К.П. Победоносцева²⁷. Константин Петрович дал согласие и 4 марта 1859 г. он был утвержден министром народного просвещения в этом звании.

В 1859 г. Победоносцев защитил магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства» и в следующем году стал исправляющим должность экстраординарного профессора юридического факультета по кафедре законов гражданских и гражданского судопроизводства.

Читая по семь часов в неделю в Московском университете лекции по гражданскому праву и курсу гражданского судопроизводства²⁸, Победоносцев одновременно продолжал работать в 8-м депар-

²⁴ Русский вестник: Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. М., 1858. Т. 15. Июнь. Кн. 1. С. 209—248; Кн. 2. С. 459—498; Т. 16. Август. Кн. 2. С. 537—582.

²⁵ К.П. [Победоносцев К.П.] Теория и практика: По поводу сочинений профессора Мейера: Очерк русского вексельного права. Казань, 1857; Чтения о русском гражданском праве. Вып. I. Казань, 1858 // Атеней: Журнал критики, современной истории и литературы, издаваемый под ред. Е. Корша. М., 1858. Ч. 6. С. 306—326.

²⁶ Победоносцев К.П. Критика на сочинение М. М. Михайлова о Русском гражданском судопроизводстве до издания Свода Законов 1832 г. // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. Спб., 1859. Кн. 1 (с приложением). С. 1—62; *Он же*. Обзорение современного русского законодательства. XXXI том Полного Собрания Законов Российской Империи // Русская беседа. М., 1859. Кн. 4 (16). С. 1—12; *Он же*. О реформах в гражданском судопроизводстве // Русский вестник. М., 1859. Т. 21. Июнь. Кн. 2. С. 541—581; Т. 22. Июль. Кн. 1. С. 5—34; Кн. 2. С. 153—190; и др.

²⁷ РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 1. Л. 16; а также: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 34. Д. 195. Л. 1.

²⁸ Согласно распределению предметов преподавания в 1860/1861 ак. г., которое было утверждено в заседании юридического факультета Московского университета, гражданское право читалось по три часа в неделю на 3 курсе, предмет «гражданское право и судопроизводство» преподавался по четыре часа в неделю студентам 4 курса (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 463. Д. 18. Л. 77 об.—78).

таменте Правительствующего Сената. 19 ноября 1860 г. ему было поручено министром народного просвещения Е.П. Ковалевским разработать проект преобразования «морской судебной части» для морского министерства. «Я желал бы, чтоб вы приняли в этом полезном деле преимущественное участие»²⁹, — писал Евграф Петрович Победоносцев.

2 июля 1861 г. Константин Петрович получил из главного управления Министерства юстиции распоряжение «о командировании для участия в составлении проекта нового судопроизводства России»³⁰. 17 сентября 1861 г. в газете «Наше время» (№ 30) было опубликовано сообщение о том, что в комиссию по судебной реформе приглашены Д.А. Ровинский, Н.А. Буцковский и К.П. Победоносцев как приславшие «лучшие проекты». 8 ноября того же года Константин Петрович был откомандирован в Санкт-Петербург «в распоряжение государственного секретаря для временных работ по устройству и преобразованию судебной части»³¹.

Первые же заседания «Комиссии о судебных уставах» глубоко его разочаровали. В 1862 г. он записал в дневнике: «Вхожу in medias res Петербургского канцелярского формализма и либерализма. Отовсюду веет либерализмом и пошлостью: убеждаюсь, что не боги обжигают эти горшки и ужасаюсь всеобщего либерального легкомыслия»³². Побывав 2 мая 1862 г. на заседании соединенных департаментов Государственного совета по вопросу преобразования судопроизводства, Победоносцев занес в свой дневник следующее замечание: «Жалко подумать — каким скудным запасом сведений обладают самые деятельные из членов: одностороннее отношение к предмету, поверхностные взгляды: ни один вопрос глубоко не обсуждается. Так, напр[имер], никто не умеет объяснить идею кассации и отличить ее от апелляции»³³. «Бледность знаний и юрид[ических] идей поразительная, — записывал Константин Петрович в свой дневник после еще одного заседания «Комиссии о судебных уставах». — Бедная Россия! И вот кто тебя преобразовывает»³⁴. Вывод, который он делал из своих наблюдений за работой высших государственных сановников, сближал его со славянофилами. «В одном народе чувствуется сила мысли и действия, — заявлял он. — А наверху, в правительстве — страшно и

²⁹ РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 1. Л. 20 об.

³⁰ Там же. Д. 28. Л. 6 об.

³¹ Там же.

³² Дневники К.П. Победоносцева (1846—1893) // РГИА. Ф. 1574 (К.П. Победоносцев). Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 7.

³³ Там же. Ед. хр. 1. Л. 12.

³⁴ Там же. Л. 41 об.

подумать, что делается. **Безумные и мальчишки нами правят — в их руках благо и честь России**»³⁵ (выделено мной. — *В.Т.*).

А.Э. Нольде, специально исследовавший вопрос об участии Победоносцева в комиссии по судебной реформе, считал несомненным, что он «имел влияние в комиссии, к нему не могли не прислушиваться» ввиду его начитанности, ввиду его умения находить для своих мыслей своеобразное выражение, ввиду большого знания жизненной практики»³⁶. Содержание многочисленных записок Победоносцева по различным проблемам судебной реформы показывает, что среди членов комиссии он был наиболее подготовленным к роли разработчика и критика законопроектов в этой области. Многие из этих записок были опубликованы в многотомном издании «Материалов по судебной реформе в России 1864 года»³⁷.

³⁵ РГИА. Ф. 1574 (К.П. Победоносцев). Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 45.

³⁶ *Нольде А.Э. Победоносцев и судебная реформа.* Пг., 1915. С. 13.

³⁷ См., напр.: *Победоносцев К.П. Предварительные замечания о плане и о главных основаниях Устава о судоустройстве // Материалы по судебной реформе в России 1864 года.* Т. 17: Соображения разных лиц о преобразовании судебной части (1861—1862). [Спб., 1862]; *Он же.* Записка о гражданском судопроизводстве // Там же. Т. 26: Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части. Ч. 6 (1861—1863). Спб., 1863; *Он же.* По проекту 2-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: О тяжущихся сторонах и о праве искать и отвечать на суде (Разд. 1, гл. 1—2) / Ред. К. Победоносцев // Там же. Т. 45: Работы редакторов по проекту Устава гражданского судопроизводства (Октябрь 1862 г. — октябрь 1863 г.). Ч. 2. [Спб., 1864]; *Он же.* По проекту 3-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: О предварительном исполнении решений (гл. 1) / Ред. К. Победоносцев // Там же; *Он же.* По проекту 4-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: Исполнительное производство по расчетам об убытках, издержках и доходах (Разд. 2) с объяснительной запиской редактора / Ред. К. Победоносцев // Там же; *Он же.* По проекту 6-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: О жалобах на действия должностных лиц административного ведомства (Разд. 1, гл. 1) / Исследования К. Победоносцева (17 марта 1864 г.) // Там же; *Он же.* Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта второй книги Устава гражданского судопроизводства. О присяге тяжущегося (ст. 304). Возражение К. Победоносцева // Там же. Т. 46: Работы Гражданского отделения Комиссии по проекту Устава гражданского судопроизводства. Ч. 1, кн. 1—5 (30 ноября 1862 г. — 24 октября 1863 г.). [Спб., 1864]. С. 76—87; *Он же.* Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта второй книги Устава гражданского судопроизводства. О доказательной силе осмотра на месте (ст. 329) и о предъявлении письменного или словесного заключения сведущих людей и о их присяге (ст. 348). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 89—91; *Он же.* Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта третьей книги Устава гражданского судопроизводства. О случаях, в коих допускается кассация решений судебных палат (ст. 86 проекта). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 14—22; *Он же.* Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта третьей книги Устава гражданского судопроизводства. О разрешении Сенатом прошений об отмене реше-

В записке «О гражданском судопроизводстве», которую Победоносцев представил в декабре 1861 г. в комиссию по составлению судебных уставов, он подверг критике ряд предложений составителей проекта нового устава гражданского судопроизводства.

Главным недостатком действовавшего в то время в России гражданского процесса Победоносцев считал пронизывавший его до основания бездушный формализм, затруднявший рассмотрение дел и препятствовавший правильному их разрешению. Мертвые формы судебного процесса отвращали, по его мнению, от судебной деятельности молодые и свежие силы, а между тем потребность в создании постоянного сословия судебных деятелей в России ощущалась острее, чем где-либо. «Ни в судебных местах, ни в среде судебных лиц, — отмечал Победоносцев в своей записке, — мы не имеем у себя хранилища судебных обычаев и судебной доктрины, не находим судебных авторитетов для руководства и указания и той внутренней дисциплины, которая развиваясь в пределах сословия, придает прочность знанию, основательность мнению, обсуждению порядок и, воспитывая вновь вступающих, образует из них самым делом не работников только, но живых деятелей и учителей»³⁸.

В настоящее же время в России лица, от имени которых исходит судебный приговор, находятся, указывал Победоносцев, в руках полубразованных приказных и чиновников канцелярии; тяжущих сторон они не видят и не слышат и смотрят на решаемое ими дело через бумагу. Поэтому он возражал против плана разделения судопроизводства на общий порядок и сокращенный: общий порядок (в том виде, как он был задуман и отчасти был осуществлен в действующем законодательстве) отдавал преимущество письменной форме судебного процесса, ослабляя значение словесного состязания; сокращенный — сводил процесс к словесным объяснениям и совершенно устранял письменные формы. По мнению Победоносцева, желательная цель судебной реформы могла быть достигнута только при условии, если центром судебного процесса было бы признано словесное объяснение, которому предшествовала бы письменная подготовка; словесное состязание в судебном процессе должно происходить в живой речи, а не сводиться к прочтению записок. Все разбирательство и в конечном итоге вынесение решения должно основываться на тех данных, которые стороны приводят в суде. Для апелляционного произ-

ний, без отсылки дела в судебную палату (ст. 117 проекта). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 27—32; и др.

³⁸ Цит. по: Нольде А.Э. Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 8. Отд. 4. С. 89.

водства он полагал возможным смягчить требование обязательной явки сторон на судебное заседание.

Оценивая записку Победоносцева «О гражданском судопроизводстве», А.Э. Нольде отметил, что она «свидетельствует об очень отчетливом представлении автора ее как о недостатках существовавшего в его время *порядка* процесса, так и о коренной постановке желательного»³⁹.

1861 г. принес Победоносцеву еще одно назначение, которое, как он признался впоследствии, решило его судьбу «роковым образом» — ему было предложено преподавать юридические науки наследнику престола великому князю Николаю Александровичу. В течение двух лет Константин Петрович читал цесаревичу лекции по законоведению, русскому государственному праву и гражданскому праву⁴⁰.

Князь В. П. Мещерский, познакомившийся с Победоносцевым в 1863 г., писал о нем в своих воспоминаниях: «Он произвел на меня очень симпатичное впечатление своим оригинальным костическим умом, постоянно сливавшимся с добродушием и веселостью, своею простотою и увлекательною речью и начитанностью. То были дни прекрасной весны его политической жизни. Призванный учить Цесаревича Николая Александровича, он всею душою отдавался этому делу, ибо находил в своем Ученике такую благодарную и богатую почву для прививания к Его молодой душе мыслей и знания. Этим наслаждением от отзывчивости и даровитости Цесаревича наполнилась жизнь К.П. Победоносцева в то время, и оно давало ему столько светлого, столько доброжелательного, столько свежего и бодрого в мыслях и в проявлении чувств»⁴¹.

Весной 1862 г. Победоносцев возвратился в Москву и возобновил преподавательскую деятельность в Московском университете: он стал читать лекции только по гражданскому судопроизводству, поскольку В.Н. Никольский уже прибыл из-за границы и преподавал курс гражданского права.

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки сохранился рукописный экземпляр лекций Победоносцева по гражданскому судопроизводству, которые он читал на юридическом факультете Московского университета с 15 января по 21 марта 1863 г. Как

³⁹ Нольде А.Э. Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева. С. 91.

⁴⁰ См.: Победоносцев К.П. Лекции по русскому государственному праву, читанные цесаревичу Николаю Александровичу и великому князю Александру // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 6. Ед. хр. 3132. Ч. 15. 82 л.; Он же. Лекции по гражданскому праву, читанные в 1862 г. цесаревичу Николаю Александровичу // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 6. Ед. хр. 2725. 206 л.

⁴¹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 164—165.

верно подметил А.Э. Нольде, «читался этот курс как раз в самую переходную эпоху от прежнего порядка к новому, когда уже было видно, что старому процессу долго не существовать, а новый находился еще в виде неокончательно отделанного проекта. Поэтому лектор был стеснен в выборе материала и стоял перед очень трудной задачей»⁴². Победоносцев нашел удачный вариант лекционного курса: он посвятил его, главным образом, изложению начал «нового» процесса, существовавшего в то время в западноевропейских странах. Старый судебный процесс, который еще действовал тогда в России, он описывал кратко и с объяснением всех его недостатков.

«Прекрасный курс гражданского судопроизводства, ясный, сжатый, точный и поучительный читал нам тогдашний Ober-прокурор восьмого департамента Сената — Константин Петрович Победоносцев»⁴³, — писал в своих воспоминаниях А.Ф. Кони. Он отмечал, что лекции Победоносцева были очень содержательными, хотя и довольно отвлеченными, «теоретичными». По его словам, «это, впрочем, объяснялось тем, что лекции читались на распутье между старым и новым порядком, который установила реформа 1864 г. В них так же, как это ни странно, было полное отсутствие критического элемента и того скептицизма, к которому так был склонен Победоносцев в своей дальнейшей деятельности. Победоносцев говорил очень однотонно, бесцветно-глухим и каким-то совершенно равнодушным голосом, точно исполнял надоевшую обязанность. Это также поражало меня впоследствии, когда мне приходилось слышать в разных комиссиях и в Государственном совете его сильное, своеобразно-красноречивое слово, которое приковывало к себе общее внимание. Над кафедрой возвышалась фигура с бледным, худым... лицом... Победоносцев, предшествуемый литературною известностью и славой опытного цивилиста, внушал нам уважение, но не оживлял нас и оставлял равнодушным к своему предмету»⁴⁴.

18 сентября 1862 г. Победоносцев был назначен обер-прокурором 2-го отделения 6-го департамента Сената. Летом 1863 г. он сопровождал своего ученика — цесаревича Николая Александровича в путешествии по России. 24 сентября того же года его назначили обер-прокурором 8-го департамента Сената и возвели в чин действительного статского советника, соответствовавший воинскому званию генерал-майора. Осень 1863 г. и весь следующий год Константин Петрович провел в Москве в трудах и раздумьях.

⁴² Нольде А.Э. Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева. С. 91.

⁴³ Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1969. С. 99—100.

⁴⁴ Там же. Т. 2. М., 1966. С. 233—234.

«Живу я — так тихо и однообразно, что, если б вы могли видеть, вас из вашей суеты вдвое сильнее потянуло бы в покой московской. Утром — работа в сенате, вечером — работа дома, но кроме работы и книги — и кое-когда живые люди. Время не идет, а бежит...» — общал он в ноябре 1864 г. А.Ф. Тютчевой.

После слов о себе Победоносцев описывал Анне Федоровне свои впечатления о происходившем вокруг: «Отчего это совсем людей нет? Отчего все кажутся так мелки, ни в ком не слышится силы, не за кого ухватиться — есть только через кого получать награды и казенные деньги и разные степени власти! Отчего самая власть так потеряла свои громадные размеры и с каждым днем все мельчает и мельчает? Или — для современника великих людей не бывает? Когда б вы знали, как мне хочется иногда встретить и поглядеть великого человека, человека с силой, с кем бы слиться, с кем бы вместе поработать крепкую работу! Нет — нет — всю[ду] видишь только блеск казенной позолоты костюма, всюду слышишь звон — казенных денег. — Или пришло на нас по воле Божией такое время, когда, говорят, великие дела сами собою делаются. Не знаю — не знаю, — но мне часто делается страшно — что еще придется видеть и пережить. Испытали ли вы это чувство — за себя и за других! Человек живет не так, как надо, слабеет, малодушествует, забывается, лжет сам себе, то есть говорит одно, а делает другое — и, веруя в любовь Божию, знает, что ждет его наказание, то есть явится событие, которое — вопреки ему — покажет ему правду, болью и печалью восстановит в нем равновесие сил, встряхнет его не в мысли только, не в чувстве и фантазии, а в самом корне жизни, правдою Божией. Так иногда страшно делается за будущее, когда видишь в настоящем признаки разложения и слабости и неправды. Людей нет крепких, которые служили бы представителями идеи, — но видишь, как в недостатке людей и идей — проникают в массу и бессознательно прививаются к ней разные мнения и борются одно с другим тайною борьбой, причем ни одно из них не принимает определенной формы, ни в одном из них, при всем упорстве, даже при ожесточении, не слышно той глубокой веры в идею, которая созидает и перерабатывает. Но эта борьба, глухая борьба мнений, конечно, имеет свое значение и, перемешивая элементы, prepares почву — для какого-то неведомого события, prepares поле для какой-то неизвестной силы, которая еще явится. Вот отчего иногда страшно становится жить, и из этого страха разве только опять это слово выводить: “Господь Бог”».

В ночь с 11 на 12 апреля 1865 г. в Ницце скончался наследник престола великий князь Николай Александрович. Получив на следующий день известие об этом горестном событии, Константин Пет-

рович немедленно написал А.Ф. Тютчевой: «О, какое горе — Анна Федоровна! Какое горькое и страшное горе! Такая тоска, такая тьма напала на душу — всю Светлую неделю прожил я в агонии, от одной телеграммы к другой, — и все еще таилась надежда, — а сегодня страшная весть все унесла, все разбила — нет нашего милого царевича — и всякую минуту его точно живого видишь перед собою. А вчера мы молились и плакали — на Кремлевской площади, во всенародном моленье, со всею святыней московскою, — и я ушел с площади с тихим чувством надежды — но Богу не угодна была грешная молитва. Знали мы, что она грешная, и молились: Боже! воздвигни праведника, чтоб он помолился Тебе. Но, видно, не нашлось праведника, и судьба Божия на нас пала... Кого и что оплакиваю — не умею сказать. Его ли молодую жизнь, его ли погибшую силу и счастье, только что распустившееся, — или милое, дорогое свое отечество — одного не умею отделить от другого. Но — холодом веет на меня и страхом — мысль о будущем. Всем горько, все притихли и приуныли от страшной вести, — но мы, знавшие его, всего сильнее чувствуем, что значит для всех потеря нашего царевича. Я верю, я чувствую всей душой, что судьба Божия совершается, что этот час — роковой час в судьбах России. На него была надежда, и в каждом из нас, знавших его, эта надежда оживала тем более, чем темнее становился горизонт, чем сильнее стали напирать темные силы, чем безотраднее казалась обстановка судеб наших. На него была надежда — мы в нем видели противодействие, в нем искали другого полюса, и глаза наши привыкли от мрака, все больше и больше стужавшегося на северной точке нашей, обращаться в Ниццу, к нему и к Государыне. Его мы знали — и народ его знал и на него надеялся и бессознательно на нем покоил свою надежду на лучшее будущее. И эту надежду Бог взял у нас — что с нами будет? Да будет Его святая воля!»

К 1865 г. круг служебных обязанностей Победоносцева расширился до такой степени, что для преподавания в Московском университете ему не стало доставать ни времени, ни сил: Константин Петрович принял решение оставить преподавательскую деятельность. 1 июня 1865 г. он обратился к ректору университета профессору С.И. Баршеву со следующим письмом: «Милостивый государь Сергей Иванович! Приняв на себя в 1859 г. обязанность преподавать гражданское право и судопроизводство студентам юридического факультета в Московском университете, и потом, по возвращении из-за границы проф. Никольского, ограничившись преподаванием одного судопроизводства гражданского, я за долг себе поставлял и вменял в честь по мере сил и возможности отправлять сию обязанность к пользе слушателей. Между тем, занятия мои по сенатской службе расши-

рялись и увеличились до того, что последние два года я уже с большим трудом и усилиями, не без ущерба здоровью, продолжал преподавание, от которого, и по собственному моему усердию к пользе М[осковского] у[ниверситета], не легко было мне отказаться. Ныне же сенатские мои занятия еще более усилились и здоровье ослабло до того, что я, даже с прискорбием сердечным, вижу решительную невозможность согласить с сими занятиями обязанность преподавателя, почему и вынужден лишить себя удовольствия и чести продолжать преподавание. Извещая о сем Ваше Превосходительство, долгом почитаю присовокупить, что если бы впоследствии состояние дел моих и здоровье позволили бы мне возобновить преподавание, а М[осковскому] у[ниверситету] понадобились бы мои услуги, то я в полной готовности предоставляю себя в его распоряжение. Вместе с тем покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, заявить университетскому Совету просьбу мою, чтобы, в уважение 6-ти-летних трудов моих на службе университету, мне было дозволено, на будущее время, пользоваться в университетской библиотеке книгами и журналами на том же основании, как я доньше пользовался»⁴⁵.

10 июня 1865 г. Совет Московского университета рассмотрел письмо Победоносцева и принял решение: «Уведомить библиотекаря университета о допущении действительного статского советника К.П. Победоносцева к пользованию книгами из библиотеки университета, на тех же основаниях, на которых он доселе пользовался, а правлению университета сообщить о прекращении ему содержания с начала вакационного времени.

Выразить К.П. Победоносцеву сожаление о том, что обстоятельства не позволяют ему продолжать преподавание в университете, которое приносило так много пользы студентам»⁴⁶.

2 декабря 1865 г. на заседании юридического факультета Московского университета было единогласно принято решение представить Победоносцева к избранию в почетные члены Московского университета. Подавляющим большинством голосов (26 против 3) университетский совет постановил присвоить ему это звание. Константину Петровичу было приятно узнать о столь высокой оценке своих заслуг на преподавательском поприще. В письме ректору Баршеву он выразил «горячую сердечную признательность всему достопочтенному сословию Московского университета», избравшему его своим почетным членом.

⁴⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 34. Д. 195. Л. 1—2. Текст данного письма опубликован с небольшими отклонениями от оригинала в статье А.Э. Нольде «Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева» (ЖМНП. 1907. № 8. Отд. 4. С. 85—86. Прим. 3).

⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 34. Д. 195. Л. 4 об.

«Старинная и близкая связь, — писал он далее, — с самого рождения соединяет меня с Московским университетом, в котором отец мой в течение 35 лет занимал профессорскую кафедру, и потому, с тех пор как себя помню, окружен я был именами и событиями и преданиями университетской жизни. Связь эта еще укрепилась и стала для меня еще ощутительнее с тех пор, как я неожиданно призван был на служение Московскому университету в качестве преподавателя. Не позволяя себе судить высоко о пользе, которую мечтал по мере сил и способностей принести университету своим преподаванием, я радуюсь, что усердие мое к сему делу не осталось незамеченным, о чем свидетельствует мне нынешнее лестное постановление университетское. Поистине вменяю себе в великую честь считаться сочленом университетского сословия и всеми мерами стараться буду, чтобы, сколь можно, почетное мое звание оправдалось на самом деле»⁴⁷.

Распрощавшись с Московским университетом, Константин Петрович отправился в начале июля 1865 г. отдохнуть в имение своего одноклассника по Училищу правоведения Д.А. Энгельгардта, которое находилось в селе Польшовичи Могилевской губернии⁴⁸. Здесь он снова встретил дочь его старшего брата Екатерину. Эта встреча оказалась роковой для Победоносцева: давно тайно в Екатерину влюбленный, он открылся ей и узнал, что может рассчитывать на взаимность.

15 июля радостный Константин Петрович писал А.Ф. Тютчевой: «Добрейшая Анна Федоровна! Сколько вы показали мне доброго расположения и участия сердечного, что я без боязни спешу к вам сказать вам радость великую, которую послал мне Господь. О, порадуйтесь вместе со мною и благословите мою радость. Со вчерашнего дня я жених, и невеста моя — та, о ком десять лет не переставал я думать с трепетом — одному Богу сказывая глубокую мысль свою... Я чувствовал, однако же, что я для нее необходим, что мне одному сердце ее вполне верит, что на меня одного она полагается и опирается, — но может ли она полюбить меня — вот чего я не знал и знать не мог. Я приехал сюда 4 июля и провел целую неделю тревожную! оба мы чувствовали, что уж не можем ни о чем спокойно и свободно говорить, куда одно между нами не объяснится и слово об этом одном не будет сказано. Положение становилось невыносимо, и я со страхом решился сказать все своей Катюше — и потом был еще целый день тревоги и волненья, и наконец — услышал я то слово, которого ждала

⁴⁷ Цит. по: *Нольде А.Э.* Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева. С. 87.

⁴⁸ Это село существует до сих пор: оно расположено на территории Могилевского р-на Могилевской обл. Республики Беларусь.

душа моя. И радость моя перед всеми явилась. О, на какое широкое место вывел меня Господь из тесноты и скорби и отчуждения!

Что вам говорить про нее — и вы мне на слово не поверите, но, если Бог даст, вы когда-нибудь увидите ее и узнаете, вы ее полюбите — все ее любят, кто только знает... Но вы поверите, какую новою кажется для меня теперь жизнь — и какая радость в душе у меня. Вспоминаю, как был бы рад услышать об этом милый мой, возлюбленный Николай Александрович (цесаревич. — *В.Т.*) — он так часто говорил мне: “Как бы я хотел, чтоб вы женились, — отчего вы не женаты?” И теперь, вспоминая эти слова, мы молимся за него горячо с милою Катей, потому что и она, по мне, знала и любила его.

Порадуйтесь же за меня, добрая, милая Анна Федоровна, — от вашей души столько добра я видел. Порадуйтесь той радостью, которою “радуется друг женихов, когда слышит его голос, и стоит и внимает ему”⁴⁹, и благослови вас Боже всяким миром и всякою радостью. — Скажите мне словечко от себя и о себе — адрес мой: губернский г. Могилев на Днепре, на имя Александра Андреевича Энгельгардта. — Господь с вами. Поминайте в любви и в мире всей душою преданного и благодарного».

Екатерина Александровна Энгельгардт родилась 4 февраля 1848 г.⁵⁰ в семье штаб-ротмистра и надворного советника Александра Андреевича Энгельгардта (1822 — не ранее 1880) и Софьи Никаноровны (урожденной Огон-Догановской). Она была, таким образом, на 20 лет 9 месяцев и 17 дней моложе своего мужа. Впоследствии Екатерина вспоминала: «Я знала своего мужа с 5 лет, а ему было тогда около 20-ти (в действительности около 26. — *В.Т.*). Он был в Училище правоведения. Младший брат моего отца был его товарищем и часто с ним приезжал к нам»⁵¹.

Е.В. Сабурова, видевшая молодую жену Победоносцева, записала в своих мемуарах: «Очень красивая молодая фигура... Весьма грациозная, с великолепными локонами... Я впервые увидала и сейчас же отметила Екатерину Александровну Победоносцеву, недавно только вышедшую замуж за Конст[антина] Петр[овича]. Внешность ее была живописна и оригинальна. Легенда о ее браке с известным профессором Московского университета была у всех любимым разговором. Она была им воспитана, кажется, он был опекуном и с детства руководил всем ее развитием»⁵².

⁴⁹ Евангелие от Иоанна. 3:29.

⁵⁰ Екатерина Александровна переживет своего мужа почти на четверть века: она умрет в Ленинграде 18 февраля 1932 г.

⁵¹ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

⁵² Сабурова Е.В. Воспоминания // Отдел рукописей РГБ. Ф. 667. Карт. 3. Ед. хр. 1. Л. 79.

Смерть цесаревича Николая Александровича сделала наследником престола его брата великого князя Александра Александровича. В августе 1865 г. Победоносцев был приглашен к нему в наставники преподавать законоведение⁵³. «Новый цесаревич, слышав обо мне доброе от покойного брата, пожелал меня иметь при себе для преподавания. Я не мог уклониться и переехал в Петербург в 1866 году на жительство и на службу»⁵⁴, — так описывал впоследствии Победоносцев новый поворот в своей судьбе.

Мать Константина Петровича осталась одна в Москве в своей семейной обители в Хлебном переулке. Но жила она после отъезда младшего сына недолго: в сентябре 1867 г. Елена Победоносцева скончалась. «Она была у нас точно святыня в доме, — писал Победоносцев Анне Федоровне Аксаковой (Тютчевой), — точно живая благодать, Богом посланная в благословение. Всегда кроткая, тихая, ясная, всегда на молитве за нас за всех, она как свеча горела перед Господом Богом — как свеча и погасла, на 81-м году жизни, в одно мгновение, одним ясным утром... Она всех собирала около себя, и теперь, без нее, старый дом, где все было так тепло, и ясно, и полно, — стоит без нее пуст и холоден — и Бог знает, долго ли еще простоят он»⁵⁵.

О том, как жил Победоносцев в эту пору, какие настроения в себе носил, он описал 12 февраля 1868 г. в письме к Екатерине Федоровне, дочери поэта Тютчева: «Благодарю вас от сердца, добрейшая Катерина Федоровна, что вы про меня вспомнили и написали мне. И я тотчас ответил бы вам, когда бы письмом пришлось в тихую минуту. Но последние эти дни были для меня днями усталости. Вы знаете эту петербургскую нездоровую усталость от пустоты и принуждения, когда день проходит и спрашиваешь себя: что я делал? с кем и что я говорил? о чем я думал? А я так впечатлителен, что иногда один обед, на котором придется быть, наполняет целый день усталостью — утром от ожидания, вечером от оставшегося дурного вкуса. Не поверите, как мало нынче осталось свежести и интереса во всем, что видишь и слышишь, — кажется, все это слышал, все это видел столько раз прежде — и всегда одно и то же. Вообще, кажется, уставать мне нельзя от выездов, потому что у меня их очень немного, и, может быть, оттого именно они, когда случатся, сильно утомляют меня. Что касается до моей Кати, то она и совсем почти не выезжает — выезды нам и не по средствам, и ее утомляют очень — она не осмотрелась еще в

⁵³ Лекции по законоведению К.П. Победоносцев читал также великому князю Владимиру Александровичу и супруге цесаревича великой княгине Марии Федоровне.

⁵⁴ Письмо К.П. Победоносцева к Николаю II... С. 625.

⁵⁵ Отдел рукописей РГБ. Ф. 230. Карт. 5273. Ед. хр. 4. Л. 10—10 об.

обществе и едва ли когда усвоит себе искусство говорить обо всем и со всеми — она умеет говорить только вдвоем и еще не понимает возможности поднимать и спускать петли светского разговора...

Чем я занимаюсь здесь официально, в этом и себе самому не умею хорошенько дать отчета. Веры нет у меня в то дело, которое обязан здесь делать, и оттого положение мое тяготит меня. Успокоиваешься только на том, что не я этого хотел — а меня призвали. Но похоже на то, как будто по пустыне странствуешь. А по своей воле — я занят теперь печатанием своей книги о гражданском праве, — которую надеюсь скоро выпустить в свет. Затем примусь печатать перевод «Подражания», который окончен уже совершенно. Петербург не люблю я по-прежнему — душно в здешнем воздухе, очень душно: до того, кажется, все измельчало здесь — и дела, и люди, и манеры, и формы общежития. Оглядываюсь на Москву — и не поверите, с какой тоскою, — все еще не могу привыкнуть к мысли о том, что старое гнездо мое опустело и охладело. А нового гнезда — Бог не дает еще завести нам с женою, и кажется нам иной раз, что мы странствуем — в землю обетованную, и душа просит той же веры, какая была у Авраама, когда он ждал до самой смерти исполнения слова Божия!»

Под «книгой о гражданском праве» Победоносцев имел в виду первый том своего «Курса гражданского права»: он вышел в свет в конце марта 1868 г.⁵⁶ 13 апреля того же года юридический факультет Московского университета рассмотрел заявление исправляющего должность экстраординарного профессора В.Н. Никольского «об ученых достоинствах нового труда почетного члена Московского университета К.П. Победоносцева», на основании § 113 Университетского устава «единогласно постановил ходатайствовать пред Советом об удостоении г. Победоносцева степени доктора юридических наук по отделу гражданского права»⁵⁷.

В тот же день Совет университета утвердил Победоносцева в данной степени. Спустя пять дней (18 апреля) ректор Баршев направил в адрес нового доктора гражданского права соответствующий диплом⁵⁸. Константин Петрович отвечал 24 апреля благодарственным письмом: «Милостивый государь, Сергей Иванович! Получив почтеннейшее письмо Вашего Превосходительства, и приложенный при оном диплом на звание доктора гражданского права, поспешаю принести Вам искреннюю благодарность за доброе Ваше расположение, в том письме

⁵⁶ Второй том «Курса гражданского права» Победоносцева выйдет в 1871 г., третий — в марте 1880 г.

⁵⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 37. Д. 137. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Л. 3.

выраженное. Вместе с тем, покорнейше прошу Вас засвидетельствовать Совету университетскому чувство моей глубокой признательности за честь, которой Московский Университет меня удостоил, и которая чувствительнее многих иных наград, не только для моего самолюбия, но и для сердца моего, издавна привязанного к Московскому Университету. Не приписывая сей чести ученым заслугам, которые никак не решаюсь признать соответствующими оной, приписываю ее вниманию Московского Университета к тому усердию, с коим я старался служить ему на пользу, и в коем не желал бы уступить никому из достопочтенных его деятелей. В новом звании, коего я удостоен, буду иметь новое побуждение к трудам, которые, да поможет мне Бог продолжать, по мере сил моих, на пользу науки»⁵⁹.

За два с небольшим месяца до этого (19 февраля 1868 г.) Победоносцев был назначен сенатором, присутствующим во 2-м департаменте Сената и возведен в чин тайного советника. 28 ноября того же года он был переведен в Гражданский кассационный департамент.

В 1871 г. Константин Петрович сблизился с Ф.И. Тютчевым. 22 сентября Федор Иванович писал Екатерине Федоровне: «Вчера, дочь моя, у меня с Победоносцевым был длинный и душевный разговор о тебе, он очень тепло к тебе относится и жалуется на твоё молчание. Он как будто собирается тебе написать. Я довольно часто вижу с ним и с его очень милой и умной женой»⁶⁰.

Победоносцев давно был дружен с семьей Тютчевых, особенно с Анной Федоровной. С Федором Ивановичем его сближало одинаково критическое отношение к современному им русскому обществу и к политике императора Александра II, они оба считали ее чуждой русским интересам. В одном из своих писем (от 1 декабря 1870 г.) Тютчев писал, что в России господствует «абсолютизм, включающий в себя черту самую отличительную из всех — презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального»⁶¹. В письмах к сестрам Тютчевым Победоносцев не скрывал своего отрицательного отношения к тому, как Александр II проводил реформы. «А нам здесь, — писал он Анне Федоровне 14 декабря 1864 г., — не поверите, как надоели преобразования, как мы в них изверились, как хотелось бы на чем-нибудь остановиться, чтоб знать, наконец, какое колесо у нас вертится и на каком месте какой работник стоит... Право, иной раз можно вообразить, что живешь между детей, вооб-

⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 37. Д. 137. Л. 7—8.

⁶⁰ Тютчев Ф.И. Письмо к Е.Ф. Тютчевой от 22 сентября 1871 г. // Литературное наследство. Т. 97: В 2 кн. Кн. 1. М., 1988. С. 479.

⁶¹ Цит. по: Кожин В.В. Тютчев. М., 1988. С. 447.

ражающих, что они взрослые: посудите, как это тяжело. И как часто на всем этом рынке проектов, во всем этом шуме дешевых и неглубоких восторгов вспоминаешь слова Иоанна “идолы у язычников — серебро и золото, дело рук человеческих. Очи имеют и не видят, уши имеют и не слышат, ноги имеют и не ходят, язык имеют и не говорят. Подобны им все, кто надеется на них и поклоняется им”. На этом рынке идольском кто встанет, кто появится крепкий, чтоб разбить кумира и провозгласить Бога истинного? У всякого идола — свои жрецы, которые и его и себя вместе с ним защищают». «Все, что я вижу, что совершается вокруг, гнетет душу, — изливался Победоносцев в письме к Екатерине Федоровне Тютчевой 18 октября 1866 г. — Вокруг совершается такой процесс разложения, что иной раз страх нападает на душу и хочется сказать: довольно. Что еще придется видеть, пережить и испытать в этом безумном, бессмысленном, пошлом мятеже человеческом»⁶².

В феврале 1880 г. исполнилось 25 лет со дня восшествия на императорский престол Александра II. Константину Петровичу представился случай высказать свое мнение об итогах его царствования. «А это 25-летие роковое, и человек его — роковой для несчастной России. Бог с ним, Бог рассудит, виноват ли он или нет, только в руках у него рассыпалась и опозорилась власть, врученная ему Богом, и царство его, может быть, и не по вине его, стало царством лжи и мамоны, а не правды»⁶³, — написал он Е.Ф. Тютчевой.

Пока был жив цесаревич Николай Александрович, Победоносцев только с ним связывал свои надежды на появление в России истинно национального государства — государственной власти, служащей русским интересам. Великий князь Александр Александрович не внушал поначалу Победоносцеву большого оптимизма. Константин Петрович с большой неохотой отправился во второй половине 1866 г. сопровождать его высочество в традиционной для наследника престола поездке по России. Но общение с Александром Александровичем постепенно убедило Победоносцева, что на него можно надеяться. В 1867 г. он писал о цесаревиче Анне Федоровне Аксаковой (Тютчевой): «Сравнивая прежнее время, с жениховства, я его не узнаю. Он стал яснее, свободнее, и душа у него поистине прямая и честная — к нему привязаться можно. Сердце у него русское».

В 1868 г. Победоносцев сообщал Анне Федоровне: «По понедельникам и субботам бываю у цесаревны (Марии Федоровны. —

⁶² *Победоносцев К.П.* Письма к Е.Ф. Тютчевой (1866) // Отдел рукописей РГБ. Ф. 230 (К.П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 1. Л. 6.

⁶³ *Победоносцев К.П.* Письма к Е.Ф. Тютчевой (1880) // Отдел рукописей РГБ. Ф. 230 (К.П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 11 об.

В.Т.), — она очень добра и проста по натуре; но — Боже мой, — как дети в пустыне живут они, как овцы, бродящие без пастыря, и иногда сердцу бывает больно смотреть на них».

Завершив преподавание законоведения цесаревичу Александру Александровичу, Победоносцев не прекратил с ним общения. В письмах к его высочеству Константин Петрович регулярно рекомендовал ему для прочтения ту или иную книгу. Причем выбор литературы был не случайным. Так, в письме от 28 октября 1869 г. Победоносцев рекомендовал наследнику престола книгу Нила Попова «Россия и Сербия»⁶⁴, 24 ноября того же года он советовал Александру Александровичу прочитать книгу историка М.П. Погодина по остзейскому вопросу⁶⁵, 5 октября 1873 г. Победоносцев сообщал великому князю, что послал ему в Крым опубликованный в журнале «Русский вестник» роман Мельникова-Печерского «В лесах»⁶⁶. 14 мая 1876 г. будущий русский царь получил от своего наставника рекомендацию прочитать рассказ Н.С. Лескова «На краю света»⁶⁷, а в письме от 12 октября 1876 г. Константин Петрович советовал цесаревичу познакомиться с другим примечательным произведением. «Позволяю себе послать Вашему Высочеству книжку. Не знаю верно, любите ли Вы читать по-английски, но прошу Вас усердно прочесть в этой книжке первую, прекрасно написанную статью о германском флоте. Она очень поучительная и любопытна, — именно в настоящих обстоятельствах она покажет, как много успели там сделать средствами, которые много меньше того, что у нас потрачено»⁶⁸.

Помимо рекомендаций прочесть ту или иную книгу Победоносцев нередко давал в письмах к будущему императору советы по управлению Российским государством. **«Вся тайна русского порядка и преуспевание — наверху, в лице верховной власти, — наставлял он Александра Александровича 12 октября 1876 г. — Не думайте, чтобы подчиненные Вам власти себя ограничили и поставили на дело, если Вы себя не ограничите и не поставите на дело. Где себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвинет на дело, Ваше послабление и роскошь zalьет всю землю послаблением и роскошью, — вот что значит тот союз с землею, в котором Вы родились, и та власть, которая Вам суждена от Бога. Не верьте, когда кто станет говорить Вам, что все пойдет само собою**

⁶⁴ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 9.

⁶⁵ Там же. С. 10.

⁶⁶ Там же. С. 18.

⁶⁷ Там же. С. 44.

⁶⁸ Там же. С. 54.

в государстве, и что на том или другом положении или законе Вы можете успокоиться. Это неправда. Придет, может быть, пора, когда льстивые люди, — те, что любят убаюкивать монархов, говоря им одно приятное, — станут уверять Вас, что стоит лишь дать русскому государству так называемую конституцию на западный манер, — все пойдет гладко и разумно, и власть может совсем успокоиться. Это ложь, и не дай Боже истинному русскому человеку дожить до того дня, когда ложь эта может осуществиться»⁶⁹ (выделено мной. — В.Т.). «Мое глубокое убеждение, — внушал Победоносцев великому князю Александру Александровичу в 1877 г., — что у нас в России всего более дорожить надо нравственным доверием народа, верою его в правительство. Народ приходит в уныние и тоску, когда не чувствует правящей силы, — Боже мой, как это важно! У нас в России нет другой движущей силы, кроме единства народа с правительством в нравственном сознании»⁷⁰.

1 января 1872 г. Победоносцев был назначен членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел, т.е. получил возможность, как он сам о себе писал, «высказывать вслух всем свои мнения по государственным вопросам, — мнения, коих никогда ни от кого не скрывал»⁷¹. Правда, Константин Петрович довольно быстро разочаровался в Государственном совете. По свидетельству окружающих его людей, он неоднократно высказывался об этом учреждении резко отрицательно: например, заявлял, что его надо бы на замок запереть и ключ бросить в Неву, или же признавался в том, что ему надоело слушать болтовню на заседаниях Государственного совета. В одном из писем 1878 г. к Е.Ф. Тютчевой Победоносцев писал, что члены Государственного совета «продают правду жизни и твердые ее начала — на пошлейшие аргументы либеральных начала, и всякий раз оглядываются — не сочла бы нас Европа за варваров!». По его словам, они «что угодно готовы разрушить, от чего угодно отказаться, что угодно принять, лишь бы блестяли лоском европейской биржи!»⁷². В 1880 г. он жаловался Екатерине Федоровне, как тяжело ему «сидеть между людьми, отрешившимися от преданий, потерявших смысл государственный, желающими только сбросить с себя бремя ответственности, пустить куда-то в свободное пространство — в так называемое общество

⁶⁹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. С. 54.

⁷⁰ Там же. С. 67.

⁷¹ *Победоносцев К.П.* Письмо к Николаю II // Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 626.

⁷² *Победоносцев К.П.* Письма к Е. Ф. Тютчевой (1878) // Отдел рукописей РГБ. Ф. 230 (К.П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 68—68 об.

важнейшие функции государственной власти». И «все эти тенденции расслабленного эгоизма, — констатировал Победоносцев, — прикрываются и оправдываются фразами, формулами истасканного либерализма»⁷³.

У членов Государственного совета славившийся своим критичным умом и широкой образованностью профессор вызывал невольное уважение. А.Ф. Кони вспоминал впоследствии, что большинство выступавших на заседаниях Госсовета постоянно смотрели в сторону Победоносцева, «жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили, поддельваясь под взгляды... “великого инквизитора”, как они его заочно называли»⁷⁴.

24 апреля 1880 г. император Александр II назначил К.П. Победоносцева обер-прокурором Святейшего синода, оставив его при этом на должностях сенатора и члена Государственного совета. В обер-прокурорские функции входил контроль за назначениями тех или иных лиц на епископские и митрополичьи кафедры, а также на профессорские должности в духовных учебных заведениях. Победоносцев сделался, таким образом, фактическим руководителем русской православной церковной организации.

Новая, более высокая должность не обрадовала его. «О, подлинно страшное дело власть, и те, кто желают ее, не ведают, что глаголют», — восклицал он в письме к Е.Ф. Тютчевой, грустно замечая при этом: «Я всегда смотрел на нее как на бедствие, зная, что во власти надо потерять свободу и быть всем слугою. Поддерживают меня вера в святость призвания и надежда на живые силы»⁷⁵.

Восшествие на императорский престол Александра III после убийства 1 марта 1881 г. Александра II усилило роль Победоносцева в политической жизни Российской империи, хотя он остался в прежних своих должностях и был лишь повышен в чине: 17 апреля 1883 г. он стал действительным тайным советником. На целую четверть столетия (срок и по тем временам огромный) Победоносцев сделался одной из самых влиятельных фигур в русской политической элите, и это при том, что самой этой элите он остался чужд. За десятилетия жизни в Санкт-Петербурге он так и не смог сродниться с его сановно-чиновным миром. Более того, зловредность этого города стала ощущаться им еще острее. «Бедлам и центр разврата на всю Рос-

⁷³ Победоносцев К.П. Письма к Е. Ф. Тютчевой (1880) // Там же. Л. 79об—80.

⁷⁴ Кони А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 267.

⁷⁵ Победоносцев К.П. Письма к Е.Ф. Тютчевой (1880) // Отдел рукописей РГБ. Ф. 230 (К.П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 31.

сию»⁷⁶, — такими словами назвал он Санкт-Петербург в письме к С.А. Рачинскому, написанном 30 июня 1882 г.

В.В. Розанов, лично знавший Победоносцева и хорошо понимавший его одиночество среди сановников империи, пытался объяснить этот феномен и пришел к весьма оригинальному выводу. «Для всякого, кто имел малейшее к нему прикосновение, — писал он вскоре после кончины Победоносцева, — не может быть никакого сомнения, что его невозможно поставить и оставить в ряду действительно темных людей политики, вроде известного австрийского Меттерниха: у тех был какой-то врожденный мундир, какая-то мундирность душеустройства, которая отталкивает от них человечество. “Не наш, не наш!” — есть восклицание над их гробом, роковое, самое мучительное, если оно раздается из уст человечества. Над гробом Победоносцева хочется сказать другое, примирительное слово. Я знаю, как встанут на дыбы против этого слова все, кто лично его не знал и просто по этому незнанию *не могут судить*. Мундир на него был только надет, притом — со стороны. И хотя Победоносцев нервно ненавидел общество и общечеловечность и в этом отношении иногда произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нем лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нем духу “он был *наш!*”... Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь — улицы... Бывают случаи, что дитя улицы, уличный волчонок доброю феєю или ангелом судьбы своей бывает перенесен во дворец, в аристократию, в золотые и раззолоченные круги; и всю-то жизнь он стоит угрюмо среди них, кусается, презирает, бьется. Мне решительно и определенно известно, что раззолоченную среду вокруг себя, эту нашу бюрократию, он всегда и нескрываяемо презирал. С некоторыми министрами, тоже весьма богомольными, он не хотел иметь никакого дела, несмотря на все их заискивание... Но фея отделила волчонка рано и от улицы: видя ее только издали, как грязь, прилипающую к колесам своего экипажа, — он презирал и ее далеким, непонимающим, *отвлеченным* презрением»⁷⁷.

Политическое значение Победоносцева слегка пошатнулось после смерти императора Александра III и восшествия на престол Николая II. Однако новый император так же, как и прежний, был учеником Победоносцева: в течение двух лет и восьми месяцев (с 11 октября 1885 по 10 июня 1888 г.) он слушал его лекции по юридическим нау-

⁷⁶ Письма к С.А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Ф. 631 (С.А. Рачинский). 1882. Январь—июль. Л. 167.

⁷⁷ *Розанов В.В.* Около народной души. Статьи 1906—1908 гг. М., 2003. С. 94—95.

кам и наставления в политике, читавшиеся каждую пятницу по два часа в Гатчинском дворце. И слушал, как отмечал сам Константин Петрович, «с интересом и живостью»⁷⁸. Поэтому в целом положение Победоносцева в сановой иерархии Российской империи осталось очень влиятельным и при новом императоре. Но мудрый старик понимал, что правительство в новых условиях бессильно остановить ход событий, влекущий Россию к революционной катастрофе. «До чего доживут — общество и правительство, — писал он 19 июля 1900 г. в письме к С.А. Рачинскому. — Удивительно думать, как и те, и другие помешались на служении идолу свободы. Ужасаются анархии и анархистов, но говорят: что же делать — свобода! И на мысль не приходит, что это не борьба идеи с идеей, а борьба с эпидемией, с заразой, которая охватывает тысячи и миллионы душ, распространяемая тою же непрекаемою свободой — свободой всяческого делания, всяческой речи, и особливо свободой печати: и дух захватывает, когда думаешь о несчастной России»⁷⁹.

С каждым годом нового царствования у Победоносцева все меньше оставалось надежд на то, что России удастся избежать катастрофы. В декабре 1904 г. он делился своими горестными предчувствиями с П.И. Бартевым: «Бог отнял у людей разум. В 1881 г. можно было надеяться — теперь ни в ком нет опоры»⁸⁰. «Я чувствую, что обезумевшая толпа несет меня с собою в бездну, которую я вижу перед собой, и спасения нет»⁸¹, — писал Константин Петрович 25 декабря 1904 г. С.Ю. Витте.

Издание 17 октября 1905 г. «Манифеста об усовершенствовании государственного порядка», вменившего в обязанность правительства «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», показало Победоносцеву, что все его опасения начали оправдываться. 19 октября он подал в отставку с поста обер-прокурора Святейшего синода. Оставшись после этого лишь членом Государственного совета, Константин Петрович больше не принимал сколько-нибудь заметного участия в политической жизни русского общества. В его жизни наступила пора подведения итогов.

⁷⁸ Победоносцев К.П. Письмо к С.А. Рачинскому от 13 ноября 1885 г. // Отдел рукописей РНБ. Ф. 631 (С.А. Рачинский). 1885. Октябрь—декабрь. Л. 105 об.

⁷⁹ Победоносцев К.П. Письмо к С.А. Рачинскому от 19 июля 1900 г. // Отдел рукописей РНБ. Ф. 631 (С.А. Рачинский). 1900. Июль—август. Л. 2.

⁸⁰ Письма разных лиц к П.И. Бартеву (1904) // РГАЛИ. Ф. 46 (П.И. Бартев). Оп. 1. Ед. хр. 596. Л. 394.

⁸¹ Цит. по: Тальберг Н.Д. Победоносцев: Очерки истории императорской России. М., 2000. С. 123—124.

В 1906 г. митрополит Волынский Антоний (Храповицкий), неоднократно испытывавший на себе гнев со стороны Победоносцева в то время, когда он был обер-прокурором Святейшего синода, счел необходимым в ответ «на наглые выходки газет» высказать ему «свое высокое уважение и благодарность». В письме к Победоносцеву, которое было опубликовано в газете «Волынские Епархиальные ведомости» (1906. № 24), преосвященный Антоний написал: «Промыслу Божию угодно было ставить меня в такие положения по отношению к людям, пользовавшимся вашим доверием, что я часто навлекал на себя ваше неудовольствие; кроме того, мои взгляды на церковь, на монашество, на церковную школу и на патриаршество не могли встретить в вас сочувствия и одобрения; однако при всем том, я никогда не мог сказать по отношению к вашей личности слов укорительных или враждебных: так непоколебимо было мое к вам уважение. Я чтил в вас христианина, чтил патриота, чтил ученого, чтил труженика. Я сознавал всегда, что просвещение народа в единении с церковью, начатое в 1884 г., исключительно благодаря вам и вами усиленно поддерживавшееся до последнего дня вашей службы, есть дело великое, святое, вечное, тем более возвышающее вашу заслугу церкви, престолу и отечеству, что в этом деле вы были нравственно почти одиноки... Вы подняли над грамотной Россией свет Божественной Библии, распространили слово Божие по дешевой цене на всех наречиях православных племен России и иных отдаленных стран... Вы убедили лучшего из покойных царей наших приказать строить православные храмы в православном их архитектурном благолепии, а не в безобразном виде еретических капищ... Вы умели ценить снедающую ревность о Боге под мужицкими зипунами, под бешметами учителей из крещеных инородцев. Вы отыскивали ревнителей веры и Церкви и не стыдились учиться у смиренных тружеников провинции — Рачинского и Ильминского — в то время, когда царь России имел вас своим главным советником, а Европа знала вас как просвещеннейшего профессора и общественного деятеля... Вы не только служили, вы подвизались добрым подвигом. Вы не были, однако, сухим фанатиком государственной или церковной идеи: вы были человеком сердца доброго и снисходящего, как и все три государя, которым вы служили. Люди бедные, или скорбящие духом, люди споткнувшиеся находили сердечный отклик в вашем сердце. Вы не отступали перед страхами человеческими, но часто отступали перед слезами. Быть может, даже иногда погрешали против принципа, подчиняясь жалости, но не погрешали этим против Господа Иисуса Христа. Вопреки заявлению наших презренных врагов, форма и буква закона не были для вас высшим доводом: горячая и убежденная просьба склоняла вас на изъятие во имя милосердия. Особенно ценно в вас было то, что вы

верили в человеческое раскаяние и исправление: в 1883 году вы про-
стили одного раскаявшегося семинариста-революционера, а в
1898 году он был епископом, и таких случаев было много за время ва-
шей службы»⁸².

После того как Победоносцев был назначен обер-прокурором
Синода, ему предоставили в пользование казенный дом по адресу:
Литейный проспект, 62. В этом довольно большом (в 40 комнат)
особняке прошли последние годы его жизни. Он принимал здесь пи-
сателей, ученых, композиторов, художников, государственных деяте-
лей, простых посетителей⁸³. В гости к Победоносцевым часто прихо-
дили дети его добрых знакомых или просто соседей по улице, или
ученики Екатерины Александровны, преподававшей в Свято-Вла-
димирской женской церковно-учительской школе, открытой в 1889 г.
в память 900-летия крещения Руси при Святом Владимире с целью
подготовки учительниц для церковно-приходских школ Петербург-
ской епархии. Своих детей у Победоносцевых (к большому огорче-
нию и мужа, и жены) так и не появилось. 9 июня 1897 г. кто-то под-
кинул к дверям их квартиры девочку. Победоносцевы крестили ее,
назвав Марфой, и взяли на воспитание. 11 апреля 1902 г. Константин
Петрович получил высочайшее разрешение на удочерение Марфы с
правами потомственного дворянства⁸⁴.

Судьба избавила Победоносцева от тяжелой участи наблюдать
гибель России, которую он и предчувствовал, и предсказывал. Он
умер 10 марта 1907 г., не дожив двух месяцев и одиннадцати дней до
своего восьмидесятилетия. Прах его был похоронен у церкви во имя
Введения во храм Пресвятой Богородицы, находившейся на террито-
рии Свято-Владимирской церковно-учительской женской школы. В
1932 г. рядом с ним была похоронена и его жена Екатерина Алексан-
дровна Энгельгардт⁸⁵.

* * *

В русском обществе конца XIX — начала XX в. устойчивым было
мнение о всеилии Победоносцева, о его необъятной власти, сравнимой

⁸² Цит. по: Глинский Б.Б. Константин Петрович Победоносцев: Материалы для
биографии // К.П. Победоносцев: pro et contra. Антология. СПб., 1996. С. 405—406.

⁸³ В доме Победоносцева на Литейном проспекте бывали: Федор Достоевский,
Петр Чайковский, Владимир Соловьев, Василий Розанов, Иван Аксаков, Крамской,
Балакирев и др.

⁸⁴ Марфа Победоносцева после революции 1917 г. эмигрировала из России; в
конце 20-х гг. жила в США.

⁸⁵ Могилы Константина Петровича и Екатерины Александровны Победоносцевых
восстановлены в конце 90-х гг. XX в. Они располагаются во дворе дома № 104 по Мос-
ковскому проспекту у алтарной, обращенной к востоку, части школьного храма. В зда-
нии бывшего школьного храма находится в настоящее время Свято-Введенская часовня.

с властью самого императора. Данное мнение имело под собой определенные основания. Константин Петрович действительно сыграл решающую роль в появлении манифеста Александра III от 29 апреля 1881 г., в котором подтверждалась незыблемость неограниченной власти монарха и таким образом отвергались попытки ввести в России элементы представительного правления, предложенные группой савонников во главе с министром внутренних дел графом М.Т. Лорис-Меликовым. Собственно и увольнение последнего с указанной должности, так же как и его помощника — товарища министра внутренних дел Н.А. Милютина, было осуществлено Александром III по совету обер-прокурора К.П. Победоносцева. Последовавшее вслед за этим назначение на должность министра внутренних дел графа Н.П. Игнатьева также можно приписать влиянию Победоносцева, и замену Игнатьева на графа Д.А. Толстого Александр III произвел по внушению своего сурового наставника. С.Ю. Витте писал в своих мемуарах о том, что Победоносцев сыграл решающую роль в назначении в начале 1898 г. министром народного просвещения Н.П. Боголепова⁸⁶. По словам Витте, «2 апреля 1895 года товарищем министра внутренних дел был назначен по рекомендации Победоносцева Горемыкин»⁸⁷. Осенью того же года И.Л. Горемыкин стал министром внутренних дел и опять-таки по рекомендации Победоносцева. С.Ю. Витте рассказал в своих воспоминаниях, что на эту должность императору Николаю II были рекомендованы первоначально В.К. Плеве и Д.С. Сипягин. Однако когда Его Величество спросил Константина Петровича, каково его мнение об этих людях, тот ответил: «Плеве — подлец, а Сипягин — дурак». «Поэтому государь и считал, — отметил Витте, — что как того, так и другого назначить нельзя»⁸⁸.

В дневниковых записях А.В. Богданович под датой за 18 декабря 1896 г. есть любопытные слова: «Говорили Е.В. (Евгению Васильевичу Богдановичу, мужу Александры Викторовны. — В.Т.), что царь за последним обедом громко сказал, что Победоносцев нарекомендовал ему много министров, а теперь начал рекомендовать корпусных командиров, хлопочет за Шипова»⁸⁹.

Читая письма К.П. Победоносцева к российским самодержцам, дневник Николая II, мемуары и дневниковые записи людей, входивших в рассматриваемое время в высшие правительственные сферы России, можно найти множество и других свидетельств несомненного

⁸⁶ *Vitte С.Ю.* Избр. воспоминания. М., 1991. С. 48.

⁸⁷ Там же. С. 319.

⁸⁸ Там же. С. 322; в несколько ином изложении см.: Великий князь Алексей Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 147.

⁸⁹ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 218.

влияния обер-прокурора Святейшего синода на ход государственных дел. Но в чем был секрет этого влияния, почему мнение человека, занимавшего далеко не самые высокие посты в сановной иерархии Российской империи, столь часто принималось их императорскими величествами как команда к действию?

Думается, разгадка данного феномена таилась как в особенностях тогдашнего российского механизма властвования, так и в личности самого К.П. Победоносцева.

Существовавшая в России система абсолютной и самодержавной власти предполагала, что решения по всем основным вопросам государственного управления принимаются единолично императором. Однако совершенно очевидно, что один человек, каким бы выдающимся он ни был, не в состоянии охватить все государственные дела. Это хорошо осознавал Победоносцев. В одном из своих писем к императору Александру III он писал: «По идее, все назначения, увольнения и пр. исходят от Высочайшей власти. Но ведь это одна фикция, ибо, без сомнения, о личностях в необъятной массе чиновников со всей России Ваше Величество не может иметь отдельного соображения»⁹⁰. Подобным же образом можно было бы сказать не только о кадровом вопросе, но и о всех вообще вопросах государственного управления. Самодержец не мог иметь «отдельного соображения» о различных аспектах многочисленных государственных дел. Именно поэтому в России во все исторические эпохи существования самодержавной власти мы видим рядом с самодержцем какого-либо государственного деятеля, особо к его величеству приближенного, главного помощника самодержца в государственных делах, который нередко представляется обществу едва ли не вторым царем.

Таким человеком при императоре Александре I был граф А.А. Аракчеев. В русском обществе первой четверти XIX в., особенно в период после Отечественной войны 1812 г., было распространенным мнение о том, что император отдал всю свою власть всесильному временщику. Граф Аракчеев действительно играл в механизме управления Российской империей чрезвычайно важную роль, однако совсем не ту, что приписывалась ему современниками. Возвысив этого государственного деятеля, приблизив его к своей августейшей персоне, император Александр I не отдал ему управление государством, а напротив, взял это управление в свои руки так, как никогда прежде не брал. Временщик стал для него своего рода вспомогательным инст-

⁹⁰ *Победоносцев К.П.* Письмо к Александру III от 11 мая 1894 г. // Великая ложь нашего времени. С. 619.

рументом, посредством которого его августейший взор и руки могли проникать в такие уголки управляемого им пространства, в каковые они сами по себе никогда бы не проникли. Только с помощью вездесущего, необыкновенно энергичного, до предела исполнительного и умного Аракчеева император Александр I был в состоянии управлять Россией так, как хотел, т.е. *все* и *вся* держа под своим контролем и влиянием, *всеми* сколько-нибудь важными делами заправляя. И при этом оставаясь всегда в тени, особенно тогда, когда требовалось предпринять такие меры, которые вызывали сильное раздражение и недовольство в обществе⁹¹.

К.П. Победоносцев также был особого рода вспомогательным инструментом, с помощью которого самодержец (сначала Александр III, а затем — первую половину своего царствования — Николай II) управлял обширной империей. Однако Константин Петрович не был вторым Аракчеевым, он являлся инструментом совершенно иного характера — совсем не таким, каким был Аракчев: новая историческая эпоха потребовала и нового управленческого инструмента.

В 80-е гг. XIX в. по разным причинам резко возросло значение идеологического, духовного фактора в государственном управлении. Поэтому самодержцу требовался в качестве помощника-временщика в первую очередь государственный деятель—*идеолог*. К.П. Победоносцев подходил на эту роль во многих отношениях лучше других из сановного окружения императоров Александра III и Николая II.

Прежде всего, Константин Петрович был человеком *незаурядно-го ума*. В.В. Розанов следующим образом описал одну из своих встреч с ним: «Вошел Победоносцев, света умом и спокойствием: тем умом и спокойствием, какое я всегда любил в нем, как все приятное и красивое. Мне кажется, “своя думка”, своя недодуманная дума и недоконченное размышление всегда были в нем, присущи ему были и днем и ночью. И от этого присутствия мысли в его лице, вот сейчас мысли, оно было духовно красивее других лиц, куда бы он ни входил, где бы он ни появлялся. Все остальные думают о “сейчас”, и эта мысль о “сейчас” — коротенькая, малая. Победоносцев же, входя в обстановку “сейчас”, нес на себе остатки и следы именно длинных мыслей, естественно, более важных и более красивых, чем обыкновенные»⁹².

⁹¹ Подробнее об этом см.: *Томсинов В.А. Аракчев*. М., 2003. С. 276—319.

⁹² *Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского*. Литературные очерки о писателях и писательстве. М., 1996. С. 525.

В июне 1899 г. Розанов писал о Победоносцеве С.А. Рачинскому: «По уму собственно он выше, я думаю, Сперанского; но недоверие его к людям и вообще отсутствие молодой мощи наития отняло у него 1/2 добродетелей. Он все “крепит” и есть “крепительная Россия”, когда по отношению ко многому ее нужно “прочистить”... Но мне он как-то мил резкостью слова, быстротой жеста, всею страстностью сухой и высокой, и гибкой фигуры... Вы знаете, по циклу идей, мне теперь родных, я совершенно вне цикла его забот и симпатий: но он мне дорог как лицо, как моральный характер»⁹³.

Незаурядность ума в Победоносцеве признавали даже те, кто относился к нему с неприязнью. Правда, недруги Константина Петровича говорили не о светлом уме, как, например, Розанов, а о «циничном», «опасном», «вредном» и т.п.

Другим качеством, которым выделялся К.П. Победоносцев среди современных ему российских сановников, была *уникальная образованность*. С.Ю. Витте, отмечая в своих воспоминаниях «большой государственный ум» Победоносцева, одновременно писал о нем как о человеке «выдающегося образования и культуры»⁹⁴. По его словам, «можно иметь различные мнения о деятельности Победоносцева, но несомненно, что он был самый образованный и культурный русский деятель, с которым мне приходилось иметь дело»⁹⁵. В другом же месте своих воспоминаний Витте подчеркнул: «Это был человек, несомненно, высокодаровитый, высококультурный и в полном смысле слова человек ученый»⁹⁶.

В.В. Розанов писал об интеллектуальности и культурности Победоносцева: «Весь период русской истории, который можно окрестить именем “время Победоносцева”, — весь этот период, в той части, в которой он зависел от Победоносцева или был под давлением его, говоря словами поэта: “...Достоин слез и смеха...”». Но вся эта глубокая бесполезность и даже прямая вредность Победоносцева для государства скрадывалась и заглушевывалась его великою интеллигентностью. *Можно без преувеличения сказать, что за весь XVIII, XIX и тоже десять лет XX в. в составе высшего нашего правительства не было ни одной подобной ему фигуры по глубокой духовной интересности, духовной красивости, духовной привлекательности...*»⁹⁷ (курсив мой. — В.Т.).

⁹³ Письма к С.А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Ф. 631 (С.А. Рачинский). 1899. Июнь. Л. 77.

⁹⁴ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 422.

⁹⁵ Там же. С. 543.

⁹⁶ Там же. С. 200.

⁹⁷ Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. М., 2005. С. 213.

В биографической литературе, посвященной К.П. Победоносцеву, нередко высказывается мнение о том, что если бы он не отдал себя государственной деятельности, то из него получился бы выдающийся ученый или писатель. Наиболее последовательно это мнение проводит Е.М. Феоктистов, который пишет о Победоносцеве следующее: «Несомненно, что он обладал умом недюжинным, живым и отзывчивым, все его интересовало, ни к чему не относился он безучастно; образование его было многостороннее и основательное; не говоря уже о юридических и церковных вопросах, занимавших его издавна, и в литературе, и в науке, и даже в искусстве обнаруживал он солидные сведения. Он все мог понять и о многом судил верно. Если бы не случай, из него вышел бы замечательный деятель на ученом или литературном поприще...»⁹⁸

Содержание произведений К.П. Победоносцева свидетельствует, однако, что идеолог все же брал в нем верх над ученым: и в лекциях своих, и в статьях, и в книгах он не столько учил, сколько воспитывал. И в своей практической работе по организации народного образования Победоносцев главный упор делал не на обучение, а на воспитание. Именно поэтому в системе начального обучения он отдавал предпочтение церковно-приходским школам. «Понятие “народное” о школе, — писал Победоносцев, — есть истинное понятие, но, к несчастью, его перемудрили повсюду в устройстве новой школы. По народному понятию, школа учит читать, писать и считать, но, в нераздельной связи с этим, учит знать Бога и любить Его и бояться, любить Отечество, почитать родителей. Вот сумма знаний, умений и ощущений, которые в совокупности своей образуют в человеке совесть и дают ему нравственную силу, необходимую для того, чтобы сохранить равновесие в жизни и выдерживать борьбу с дурными побуждениями природы, с дурными внушениями и соблазнами мысли»⁹⁹.

В своих письмах к различным лицам Победоносцев неоднократно и с глубоким сожалением говорил о том, что в обществе господствует совершенно ложное представление о его роли в государственных делах. «С давних времен люди и европейские, да и русские, не знающие, чем и как движутся наши административные пружины, во-

⁹⁸ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. М., 1991. С. 219.

⁹⁹ Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 309. Императору Николаю II свою приверженность к церковно-приходским школам Константин Петрович объяснял следующим образом: «В народе вся сила государства, и уберечь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от гибельной заразы нелепых возмутительных учений можно только посредством церкви и школы, связанной с церковью».

ображают, что все, что ни исходит в России от правительства, движется волею или прихотью кого-нибудь одного, кто в ту или другую минуту считаются влиятельною силою, так сказать, “первым по фараону” лицом, — писал Константин Петрович в письме к П.А. Тверскому от 19 февраля 1900 г. — И вот, к несчастью, утвердилось всюду фантастическое представление о том, что я — такое лицо, и сделали меня козлом отпущения за все, чем те или другие недовольны в России, и на что те или другие негодуют. Так, взвалили на меня и жидов, и печать, и Финляндию — и вот еще духоборов — дела, в коих я не принимал никакого участия, — и всякие распоряжения власти, в коих я несколько неповинен. Такую тяготу так называемого общественно-го мнения приходится переносить — нельзя и опровергать ее, да никто и не поверит, так укоренилась уже иллюзия неведения, невежества и предрассудка»¹⁰⁰. Отрицая свое воздействие на движение «административных пружин», Победоносцев не лукавил. Никогда, ни в какой период своей чиновной карьеры не имел он таких властных полномочий, которые бы давали ему возможность оказывать существенное воздействие на ход государственных дел. Занимая должность обер-прокурора Святейшего синода, соответствовавшую на практике должности министра, Победоносцев присутствовал на заседаниях комитета министров. Кроме того, он был членом нескольких комитетов и комиссий, создававшихся для решения различных государственных вопросов, разработки тех или иных законопроектов¹⁰¹. В любом случае его административные полномочия были весьма ограниченными по своему характеру.

Тем не менее никуда не уйти от факта: в течение целой четверти века — с 1881 по 1905 г. — этот человек являлся самым влиятельным сановником Российской империи. Разгадка указанного противоречия проста — влияние Победоносцева на политику российской государственной власти было влиянием не властителя, которому повинуются под страхом наказания или добиваясь наград, но идеолога, заоражи-

¹⁰⁰ *Тверской П.А.* Из деловой переписки с К.П. Победоносцевым. 1900—1904 гг. // Вестн. Европы. 1907. Кн. 12. С. 654. Об этом же, но другими словами Победоносцев писал Тверскому и в августе 1902 г. («И вообще знайте, что где является мое имя, там — ложь. Оно употребляется как соль, ибо сколько уже лет, как с ним иностранная слетня связывает все, что делается в России — тогда как вот уже лет десять как я ни в каких делах, кроме церковных, не участвую»), и в конце 1904 г. (*Тверской П.А.* Указ. соч. С. 664, 667).

¹⁰¹ Комиссии для составления проектов законоположений о преобразовании судебной части при Государственной канцелярии, действовавшей в 1862—1865 гг., Особой комиссии о введении мировых судебных установлений в Прибалтийских губерниях (1877—1880 гг.), Особой комиссии для предварительного обсуждения проектов учреждения вотчинных установлений и вотчинного устава (1896—1904 гг.) и др.

вающего логикой своих суждений. Эта особенность Победоносцева как государственного деятеля не укрылась от взора некоторых пронизательных его современников. Публицист М. Ростовцев писал в 1907 г. в газете «Пензенские Губернские Ведомости», откликаясь на его смерть: «В русской “Гражданской” истории мы знаем две таких крупных типичных фигуры: Сперанский и Победоносцев, кстати, оба из духовного звания. Не по родству или свойству, без заимствования и унижения пред сильными мира, эти два человека выдвинулись на роль первостепенных государственных деятелей. Говоря о последнем, можно сказать, что его деятельность в течение 25 лет — история России за этот период. По его воле мы неуклонно шли назад, хотя все чувствовали необходимость идти вперед. Победоносцева считали злым гением России, но его логике, **точно загнипотизированные**, подчинялись все те, которые от него **нисколько не зависели**» (выделено мной. — *В.Т.*).

К приведенному высказыванию необходимо только сделать одно важное уточнение: Победоносцев убеждал не только *логикой*, но и *чувством*, которое вкладывал в свои слова. В. В. Розанов в своем эссе-отклике на смерть К.П. Победоносцева, опубликованном в газете «Русское слово» 13, 18 и 27 марта 1907 г., вспоминает о том, как однажды он сидел в гостях у митрополита Антония, в разгар беседы было объявлено о прибытии Константина Петровича. «Сейчас же, — пишет Розанов, — отворилась дверь, и вошел Победоносцев. Он был так же **жив и умственно красив**, как всегда... Победоносцеву сейчас был подан стакан чаю, и он весело разговорился со всеми нами, конечно, насчет тех предсмутных дней, которые тогда текли (время Плеве). Между другими речами его была та, что “невозможно жить в России и трудиться, не зная ее, а зная Россию... многие ли у нас ее знают? Россия, это — бесконечный мир разнообразий, мир бесприютный и терпеливый, совершенно темный: а в темноте этой блуждают волки”... Он хорошо выразил последнюю мысль, **с чувством**. Кажется, буквально она звучала так: “дикое темное поле и среди него гуляет *лихой человек*”... Он сказал с враждой, опасением и презрением последнее слово. Руки его лежали на столе:

— А когда так, — кончил он, — то ничего в России так не нужно, как *власть*; власть против этого лихого человека, который может наделать бед в нашей темноте и гололье пустынной. И пальцы его огромно сжались, как бы хватая что-то»¹⁰² (выделено мной. — *В.Т.*).

¹⁰² *Розанов В.В.* К.П. Победоносцев // *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 529.

Победоносцев говорил и писал не только умом, но и сердцем. Он убеждал других в своей правоте во многом потому, что искренне верил в истинность своих суждений. Адвокат и публицист В.В. Беренштам приводит в своих мемуарах любопытное высказывание В.А. Манасеина, лично знавшего Константина Петровича: «Знаете, — говорил мне Вячеслав Авксентьевич, — ведь Победоносцев — искренний человек. Он, несомненно, ханжа, но это глубоко искренний человек. Я видел его в 60-х годах, когда все кругом либеральничали, когда нужно было иметь большое мужество, буквально отвагу, чтобы в профессорской среде не быть либералом. И в это самое время Победоносцев, подходя к монастырю, становился на колени, вставал и, поминутно падал на колени, полз по земле к храму. Вот каков это человек! Вы посмотрите, какой он и убежденный человек! Вы прочтите его “Московский сборник”. Ведь это написал 69-летний старик, а сколько тут полемического задора! И как много ни сделал Победоносцев зла России, это человек никогда не лгал и всегда сам был искренне убежден в пользе того, что делал»¹⁰³.

«Московский сборник», о котором упомянул В.А. Манасеин, — весьма необычное произведение. Впервые оно было издано в 1896 г., в том же году вышло в свет вторым и третьим изданиями, в 1897 г. — четвертым, а в 1901 — пятым изданием. По жанру — это сборник статей, посвященных различным аспектам общественной жизни России. И хотя немало мыслей в содержании «Московского сборника» Победоносцев заимствовал у тех или иных иностранных писателей, данным произведением он ярко выразил свое собственное мировоззрение. Нигде, пожалуй, Победоносцев не раскрывается в своих качествах идеолога в такой степени, как на страницах «Московского сборника»¹⁰⁴.

Через все это сочинение он последовательно проводил мысль о пагубности политических и юридических учреждений, оторванных от исторических устоев общества, несоответствующих быту и сознанию народа. Такими учреждениями Победоносцев считал для России институты западной демократии — парламент, так называемую «свободную» печать, суд присяжных и т.п.

«Если бы потребовалось истинное определение парламента, — писал Победоносцев в статье «Московского сборника» с примеча-

¹⁰³ Беренштам В.В. Из пережитого. Около войны. Заметки адвоката. Воспоминания. Пг., 1915. С. 178.

¹⁰⁴ По некоторым сведениям, содержание данного произведения составили лекции, читавшиеся Победоносцевым наследникам российского престола цесаревичам Николаю Александровичу, Александру Александровичу и сыну последнего Николаю Александровичу — будущему императору Николаю II.

тельным названием «Великая ложь нашего времени», — надлежало бы сказать, что парламент есть *учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей*. Учреждение это служит не последним доказательством самообольщения ума человеческого. Испытывая в течение веков гнет самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живет под ним, люди разума и науки возложили всю вину бедствия на своих властителей и на форму правления, и представили себе, что с переменою этой формы на форму народовластия или представительного правления общество избавится от своих бедствий и от терпимого насилия. Что же вышло в результате? Вышло то, что *mutato nomine* все осталось в сущности по-прежнему, и люди, оставаясь при слабостях и пороках своей природы, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности. Как прежде правит ими личная воля и интерес привилегированных лиц; только эта личная воля осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству... На фронто-не этого здания красуется надпись: «Все для общественного блага». Но это не что иное, как самая лживая формула; парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение. Все здесь рассчитано на служение своему я»¹⁰⁵.

Несоответствующим общественным условиям России Победоносцев считал и суд присяжных. Данное учреждение, отмечал он, усиливает случайность приговоров даже в тех странах, где существует «крепкое судебное сословие, веками воспитанное, прошедшее строгую школу науки и практической дисциплины». «Можно себе представить, — продолжал он, — во что обращается это народное правосудие там, где в юном государстве нет и этой крепкой руководящей силы, но взамен того есть быстро образовавшаяся толпа адвокатов, которым интерес самолюбия и корысти сам собою помогает достигать вскоре значительного развития в искусстве софистики и логомахии, для того чтобы действовать на массу; где действует пестрое, смешанное стадо присяжных, собираемое или случайно, или искусственным подбором из массы, коей недоступны ни сознание долга судьи, ни способность осилить массу фактов, требующих анализа и логической разборки; наконец, смешанная толпа публики, приходящей на суд как на зрелище посреди праздной и бедной содержа-

¹⁰⁵ Победоносцев К.П. Московский сборник // Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 286.

нием жизни; и эта публика в сознании идеалистов должна означать *народ*»¹⁰⁶.

Еще более резкой критике Победоносцев подвергал «так называемую свободу печати». По его мнению, данное явление есть «одно из безобразнейших логических противоречий новейшей культуры, и всего безобразнее является оно именно там, где утвердились начала новейшего либерализма, — именно там, где требуется для каждого учреждения санкция выбора, авторитет всенародной воли... От одного только журналиста, власть коего практически на все простирается, не требуется никакой санкции. Никто не выбирает его и никто не утверждает»¹⁰⁷. Судья, указывает Победоносцев, имея правомочие карать нашу честь, лишать нас имущества и свободы, получает его от государства. Он должен продолжительным трудом и испытанием готовиться к своему званию. Он связан строгим законом, он действует под контролем высшей власти, приговор его может быть изменен и исправлен. «А журналист имеет полнейшую возможность запятнать, опозорить мою честь, затронуть мои имущественные права; может даже стеснить мою свободу, затруднив своими нападкамиили сделав невозможным для меня пребывание в известном месте. Но эту судебскую власть надо мною сам он себе присвоил: ни от какого высшего авторитета он не принял этого звания, не доказал никаким испытанием, что он к нему подготовлен, ничем не удостоверил личных качеств благонадежности и беспристрастия, в суде своем не связан никакими формами процесса, и не подлежит никакой апелляции в своем приговоре... Итак, можно ли представить себе деспотизм более насильственный, более безответственный, чем деспотизм печатного слова? И не странно ли, не дико ли и безумно, что о поддержании и охранении именно этого деспотизма хлопочут все более ожесточенные поборники *свободы*, вопиющие с озлоблением против всякого насилия, против всяких законных ограничений, против всякого стеснительного распоряжения *установленной власти*? Невольно приходит на мысль вековечное слово об умниках, которые совсем обезумели оттого, что возомнили себя мудрыми»¹⁰⁸.

Многое из того, что было высказано Победоносцевым в «Московском сборнике», можно встретить в его записках императорам и письмах различным лицам. Так, в марте 1903 г. Константин Петрович писал П.А. Тверскому, поселившемуся в американском городе Лос-Анжелос: «Вы, выехав из России, стоите на той же точке, на какой тогда были, ве-

¹⁰⁶ Победоносцев К.П. Суд присяжных // Там же. С. 300.

¹⁰⁷ Победоносцев К.П. Печать // Там же. С. 303.

¹⁰⁸ Там же. С. 303—304.

руя в благотворное значение каких-то реформ в смысле новой свободы. Но вера в "учреждения", оторванные от жизни и от народа, ничего не принесла нам, кроме лжи и стеснения истинной свободы, ибо мы стали так опутаны учреждениями, что деваться некуда. И те, кои проводили их, пустив их в народ, успокоивались, воображая, что учреждения сами себя двинут и оживят что-то. Но у нас без руководства ничто само собой не оживает. Славянская раса не то, что англо-саксонская, скандинавская и даже немецкая: там дух партикуляризма и крепкого индивидуального развития; у нас — обязанность. И так вышло, что мы наряжены все в какое-то чужое платье, сшитое родным портным Васьюком, и не можем в нем двигаться»¹⁰⁹. В записке о реформе судебных учреждений, поданной Победоносцевым императору Александру III осенью 1885 г.¹¹⁰, Константин Петрович говорил о суде присяжных примерно то же самое, что позднее опубликовал в «Московском сборнике». «Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось в России совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов, и, как ложное в существе своем и в условиях, послужило и служит к губительной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия... Присяжные, случайно набираемые большей частью не из крепких, а из слабых и зависимых людей в обществе, предоставлены случайному воздействию на них всяких сторонних влияний со стороны адвоката, со стороны публики, со стороны господствующего в настоящую минуту предрассудка, со стороны лица наиболее главного в среде их самих, наконец, — со стороны подкупа и уговора, — чему были уже, к сожалению, неоднократные примеры. От этого учреждения необходимо нам отделаться, дабы восстановить значение суда в России»¹¹¹.

Таким образом, мотивы «Московского сборника» звучали во всем литературном творчестве К.П. Победоносцева. Последовательный в проведении своих политических взглядов, непоколебимый в своей правде, пронизательный мыслитель — наконец, полемист, мастерски владевший пером, он был самым серьезным противником ненавистников исторической России, скрывавшихся под личиной либералов или революционеров. Бессильные опрокинуть стройные ряды его мыслей, они отказались от прямого, честного сражения с подлинным Победоносцевым. Вместо этого вылепили себе некое чучело, внешне похожее на него, обклеили его разными ярлыками и стали

¹⁰⁹ *Тверской П.А.* Из деловой переписки с К.П. Победоносцевым... С. 665.

¹¹⁰ 2 ноября 1885 г. император Александр III написал К.П. Победоносцеву: «Благодарю очень за присланную записку о реформе судебного строя».

¹¹¹ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 510—511.

лупить. И лупили с таким неистовством, что, кажется, в конце повели, что лупят не чучело, а настоящего Победоносцева.

Александр Блок, поэт милостью Божьей, писал во вступлении ко второй части своей поэмы «Возмездие»:

*«В те года дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна...»*

Любопытно, что в этих словах А. Блока тогдашние либералы увидели карикатуру на всесильного временщика эпохи правления Александра III. Подобный взгляд на приведенный стих Блока о Победоносцеве, к сожалению, присутствует и в современной литературе¹¹².

Между тем на самом деле Блок не только не «окарикатурил» Победоносцева в приведенном стихе, а напротив — окутал его облаком симпатии и даже восхищения. Сова еще с древних времен является символом мудрости. Победоносцев — мудрец, который *«дивным кругом очертил Россию, заглянув ей в очи...»!* И колдун, трясущийся над своим сокровищем, и это сокровище — конечно же, Россия. **Его драгоценная Россия, смысл всей его жизни, главный объект его помыслов, единственная и неповторимая — ради которой он жил и творил!**

* * *

В русском общественном сознании К.П. Победоносцев всегда воспринимался прежде всего как государственный деятель и идеолог. При этом в тени оставалась другая, не менее интересная его роль — ученого-правоведа. Те из российских юристов, кто был знаком с юридическими сочинениями Победоносцева, высоко оценивали его как специалиста в области юриспруденции. Так, А.Э. Нольде писал в 1907 г. в статье-некрологе, посвященной Победоносцеву: «Политическая известность его заслонила собой более скромную и менее бросающуюся в глаза ученую его деятельность. А между тем она заслуживает внимания; сочинения К.П. Победоносцева по вопросам гражданского права, и в частности капитальный труд его в этой области “Курс гражданского права”, имели в свое время большое значение для научной разработки этой дисциплины, да и в настоящее время не

¹¹² См., напр.: Смолярчук В.И. А.Ф. Кони и его окружение. М., 1990. С. 262.

утратили его. На них лежит своеобразный отпечаток, и в нашей юридической литературе они занимают видное место»¹¹³. «Всем известно значение и характер курса гражданского права К.П. Победоносцева, — писал в 1896 г. Б.В. Никольский. — Теоретическая сторона курса не встретила похвал и одобрения от представителей нашей юридической науки, но практический характер книги сделал ее одним из трех устоев, которыми держится наша цивилистика: это — 10-й том Свода законов, «История Российского законодательства»¹¹⁴ Неволина и «Курс» К.П. Победоносцева»¹¹⁵.

Над своим самым значительным юридическим произведением Константин Петрович работал по меньшей мере 20 лет. Первая часть «Курса гражданского права» была закончена им в феврале 1868 г., в том же году она вышла в свет под названием «Вотчинные права»¹¹⁶. Вторую часть «Курса» Победоносцев назвал «Права семейственные, наследственные и завещательные», он выпустил ее в свет в 1871 г.¹¹⁷ Третья часть «Курса» («Договоры и обязательства») была издана только в 1880 г.¹¹⁸ До 1897 г. — юбилейного для Победоносцева — его фундаментальный труд по гражданскому праву неоднократно переиздавался, и история этих переизданий по-своему любопытна. Вот главные ее вехи: в 1875 г. была переиздана вторая часть «Курса», в 1876 г. вышла вторым изданием первая его часть, в 1890 г. — третья; в 1883 г. было выпущено третье издание первой части, а в 1889 г. — второй; в 1892 г. вышло в свет четвертое издание первой части; наконец, в 1896 г. было напечатано последнее его издание и впервые одновременно во всех трех частях¹¹⁹. Новые издания «Курса» мало чем отличались от первого его издания — автор всего лишь учел некоторые изменения в действующем гражданском законодательстве, да вставил несколько новых рассуждений.

¹¹³ Нольде А.Э. Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 8. С. 237.

¹¹⁴ Б.В. Никольский имеет в виду вышедшие в 1851 г. в Санкт-Петербурге три тома книги К.А. Неволина «История российских гражданских законов» (2-е изд. вышло в свет в 1857 г.).

¹¹⁵ Никольский Б.В. Литературная деятельность К.П. Победоносцева (По поводу пятидесятилетнего юбилея) // Исторический вестник. 1896. № 9. С. 724—725.

¹¹⁶ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 1: Вотчинные права. Спб., 1868.

¹¹⁷ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. Спб.; М., 1871.

¹¹⁸ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства. Спб.; М., 1880.

¹¹⁹ Текст этого издания был воспроизведен издательством «Зерцало» в серии «Русское юридическое наследие». См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003.

В предисловии к «Курсу» Победоносцев следующим образом характеризовал избранный им способ изложения русского гражданского права: «В изложении главной моею целью было способствовать полнейшему по возможности разъяснению понятий о главных предметах гражданского права. С этой целью выбрал я сравнительную методику изложения и старался прежде всего в начале каждой статьи указывать на основную идею учреждения, потом переходил к объяснению учреждения, в отличительных его чертах, по римскому, французскому и германскому праву. Затем уже, приготовив в уме слушателя или читателя по возможности полный и закругленный образ учреждения, приступал я к изложению его по русскому закону, с предварительным очерком его происхождения и исторического развития на нашей почве. Таким образом, по моему расчету, читателю возможно было бы в потребных случаях судить, в чем русский закон учреждения соответствует или не соответствует общему его типу, как он выразился в истории, в экономике и в праве Западной Европы»¹²⁰.

«Курс гражданского права» Победоносцева содержал мало теоретических рассуждений о правовых институтах, в нем почти отсутствовали общие определения, система изложения материала в «Курсе» во многом повторяла систему 10-го тома «Свода законов Российской империи». Победоносцев создал по существу не только *учебник* по гражданскому праву, но и настоящее *практическое руководство* для юристов, призванных вести дела по гражданскому праву. Не случайно, цитаты из его «Курса» в 70—80-х гг. XIX в. неоднократно приводились в решениях Гражданского кассационного департамента Сената для обоснования той или иной позиции.

Подобного рода произведения обыкновенно мало что говорят о личности их автора, о его мировоззрении и пристрастиях. «Курс гражданского права» Победоносцева стал в этом смысле исключением из правила. Нигде, пожалуй, характер Победоносцева как правоведа не проявился так выпукло, как в этом его произведении. «Этой своей книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права; он по справедливости может назваться отцом и родоначальником этой науки, — писала газета «Россия» в 1907 г. (№ 399). — Все то, что было в этой области до него — это или сколки с иностранных книг, или изложение законов, или, на лучший конец, приспособление общей теории гражданского права к русскому закону. Впервые Победоносцев с замечательным проникновением в русскую историю и русский правовой дух дает самобытное и вместе с тем высоко научное изложение гражданского права русского народа. Пройдет еще не одно по-

¹²⁰ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 1. Т. 1. С. II.

коление русских юристов, но книга Победоносцева останется исходной точкой для всякой научной работы в этой области»¹²¹. Высоко оценивал «Курс гражданского права» Победоносцева и такой видный российский правовед-цивилист, как Г.Ф. Шершеневич. По его словам, «в лице г. Победоносцева мы видим совершенно особый тип юриста, не подходящий к большинству русских ученых. Не поддаваясь влиянию западной науки, не связанный выводами предшествовавших русских ученых, г. Победоносцев отличается полную самостоятельностью взглядов на исторические и догматические вопросы русского права. Спокойный и тонкий анализ, бесстрастное изложение, упорный консерватизм в вопросах *de lege ferenda* — таковы отличительные черты г. Победоносцева как ученого... Мы не преувеличим, если сравним г. Победоносцева с римским юристом. Как и последний, г. Победоносцев опасается обобщений, избегает определений, предпочитая описание фактов, но зато поражает логичностью рассуждений, когда дело касается толкования действующего законодательства. Следить за автором в его заключениях и таким путем приобретать способность к самостоятельным юридическим решениям — такова главная польза, которую можно получить при чтении. Если курс Мейера¹²² врезывает в памяти читателя систему гражданского права, что имеет несомненное громадное значение для юриста, то курс Победоносцева приучает к цивилистическому мышлению и с этой стороны является лучшею школою для догматиков»¹²³.

К.П. Победоносцев в полной мере сознавал своеобразие русского права, его укорененность в прошлом. «Наши вотчинные отношения весьма разнообразны и покуда мало еще исследованы наукою: на практике же и в экономии нашего быта из них возникает множество своеобразных вопросов, которые или неизвестны вовсе, или давно утратили свое значение в экономии западноевропейского общества»¹²⁴, — писал он в приложении к ч. 1 «Курса гражданского права». Среди современных ему российских правоведов Константин Петрович славился своим знанием истории русского права. Исторической

¹²¹ Цит. по: *Преображенский И.В.* Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины. Спб., 1912. С. 101.

¹²² Г.Ф. Шершеневич имеет в виду курс профессора Д.И. Мейера «Русское гражданское право». Начальные лекции этого курса вышли в свет через два года после смерти Мейера — они были опубликованы в 1858 г. в «Ученых записках Императорского Казанского университета» (кн. 1, 2).

¹²³ *Шершеневич Г.Ф.* Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 88—89.

¹²⁴ *Победоносцев К.П.* Изучение и литература вотчинного права // *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 1. Т. 2. Спб., 1868. С. 220.

эволюции различных правовых институтов в русском обществе он посвятил свои первые научные работы в области юриспруденции, публиковавшиеся в течение 50—60-х гг. XIX в. в различных журналах, главным образом в «Русском вестнике»¹²⁵. Изучать историю русского юридического быта Константин Петрович не переставал и в дальнейшем — в те времена, когда был уже обер-прокурором Святейшего синода. Он продолжал работать в архивах, делать выписки из различных документов¹²⁶, а также из «Полного собрания законов Российской империи»¹²⁷. «Курс гражданского права» Победоносцева покоился, таким образом, на фундаменте глубокого знания автором исторических реалий русского права.

Свой метод познания права, основанный на изучении текстов правовых памятников, архивных актов, судебной практики, Константин Петрович рекомендовал применять всем начинающим юристам; в частности, тем, кто приступает к изучению институтов гражданского права, он советовал сначала «приобрести знакомство с общими началами науки гражданского права, затем возбудить и воспитать в себе логическую последовательность юридического мышления». По его мнению, лучшим средством к этому «для человека еще не испробованного на практической деятельности может служить не просто чтение, но внимательное и серьезное изучение одного из классических творений, которыми может похвалиться германская юридическая литература»¹²⁸. В качестве такого творения Победоносцев называл книгу К.Ф. Савиньи «System des heutigen römischen Rechts», которую он характеризовал как «несравненную по строгости юридического анализа, по основательности выводов, по простоте приемов мышления и по изяществу юридического слога»¹²⁹. Кроме того, Победоносцев рекомендовал начинающим юристам прочитать хорошее французское сочинение по гражданскому праву: по его словам, такое чтение будет «полезно по ясности и практичности изложения, которыми отличаются сочинения этого рода во Франции»¹³⁰.

¹²⁵ Позднее он выпустил их в свет в отдельном сборнике (см.: *Победоносцев К.П.* Исторические исследования и статьи. Спб., 1876).

¹²⁶ Собрание этих своих выписок он издал отдельной книгой (см.: *Историко-юридические акты переходной эпохи XVII и XVIII веков, собранные К.П. Победоносцевым.* М., 1887). Дополнение к этим выпискам под названием «Материалы для истории приказного судопроизводства» было опубликовано в 1890 г. в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете».

¹²⁷ Эти выписки были изданы Победоносцевым отдельной книгой в 1895 г.

¹²⁸ *Победоносцев К.П.* Изучение и литература вотчинного права. С. 221.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

После всего этого Победоносцев рекомендовал тем, кто начинает изучать русское право, обратиться к «Полному собранию законов Российской империи»: всякому, «истинно жаждущему знания», надо приняться за чтение данного собрания начиная с первого тома. «Многим может показаться странным такой совет, — пояснял Константин Петрович, — но смею уверить всякого, что такое чтение, в начале, правда, требующее некоторых усилий, вскоре окажется интересным, а для иных и увлекательным чтением. С каждым томом читатель станет входить в силу и живее почувствует в себе драгоценнейший плод внимательного труда — здоровое и дельное знание, то самое знание, которое необходимо для русского юриста и которым русские юристы, к сожалению, так часто пренебрегают, питаются из источников иноземных: незаметно воспринимают они в себя понятия, возникшие посреди истории чужого народа, усваивают начала и формы, на чужой почве образовавшиеся и связанные с экономией такого быта, который далеко отстоит от нашего: естественно, что отсюда родится ложное понятие о потребностях нашего юридического быта и о средствах к их удовлетворению, пренебрежение или равнодушие к своему, чего не знают, и преувеличенное мнение о пользе и достоинстве многого такого, что хорошо и полезно там, где из своего быта выросло, но криво и лживо оказывается там, где нет соответствующей почвы и соответствующих условий исторических и экономических. Такое знание невозможно признать здоровым и истинным, как отрешенное от жизни, следовательно от истины. Напротив, тем и дорого изучение нашего полного Собрания законов для русского юриста, что здесь каждое явление юридическое, каждое положение представляется в связи со всею обстановкою быта, со всеми данными историческими, и в совокупности с ними объясняется. Сверх того, великую пользу приносит такое чтение еще и потому, что осваивает читателя с чистотою и ясностью слога, которым писаны первые памятники законодательства — уложение и новоуказные статьи: ясность, определенность и чистота русской речи — качество, необходимое для юриста, правая рука, без которой обойтись ему невозможно, а этого свойства надобно искать в исторических памятниках, ибо образцы позднейшего законодательного стиля не отличаются ни чистотою, ни ясностью речи, носящей на себе следы иноязычной конструкции, иноязычных форм и понятий. Словом сказать, изучение первого полного Собрания Законов составляет, по моему мнению, необходимость для русского юриста, и лучшей школы для него прибрать невозможно, как это школа мертвых, но красноречиво говорящих памятников, ибо у нас нет еще живой и постоянно действующей школы для образования русского юриста, той школы, которая

воспитывает человека совокупным действием предания, живого авторитета и живой практической деятельности»¹³¹.

Такой метод изучения русского права был вполне оправдан в то время, когда Победоносцев создавал свой «Курс гражданского права». Он соответствовал и уровню развития русской теоретической юриспруденции в тот период, и характеру самого русского права. Действовавшее в России гражданское законодательство складывалось из актов, принятых в различные исторические эпохи. Поэтому уяснить суть того или иного правового института можно было только путем последовательного изучения всей тянувшейся из далекого прошлого цепи законов, посредством рассмотрения правовых норм в контексте той исторической обстановки, в которой они возникли и развивались.

Но данный метод изучения гражданского права, проповедовавшийся Победоносцевым, имел наряду с достоинствами и целый ряд недостатков: все они проявились в содержании «Курса гражданского права». «Обширная начитанность К.П. Победоносцева как в законодательных материалах, так и в исторической литературе, — отмечал А.Э. Нольде, — дала ему возможность остановиться на таких явлениях, которые до него были только в малой степени вовлечены или и вовсе не вовлечены в область цивилистических исследований»¹³². Это, например, институт родовых имуществ и различные, унаследованные от старины типы землевладения, учение об основаниях и доказательствах вотчинного права, межевание и т.п. Вместе с тем Нольде констатировал, что в исследовании ряда правовых институтов метод Победоносцева оказался неплодотворным. Это, как правило, институты, относительно которых в X т. «Свода законов Российской империи» имелись значительные пробелы, — институт договоров в пользу третьих лиц, иски из неосновательного обогащения, авторское право и др.

Тем не менее многие российские правоведы, и А.Э. Нольде в их числе, признавали, что по богатству материалов, в нем собранных, «Курс гражданского права» К.П. Победоносцева не имел себе равных.

¹³¹ Там же. С. 222—223.

¹³² Нольде А.Э. Указ. соч. С. 107.